

Эрис

ПРОЛОГ

Марат Байпаков

Марат Байпаков

Эрис. Пролог

«Издательские решения»

Байпаков М.

Эрис. Пролог / М. Байпаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507179-8

435 год до нашей эры. Трое молодых сицилийских аристократов, отправляясь на невольничий рынок в Сиракузах, испрашивают предсказание на день у Гермеса — и получают ответ: «Судьба». Что обретут друзья с лёгкой руки бога? И как причудливо переплетутся нити судьбы с событиями прошлого и далёкого будущего?

ISBN 978-5-00-507179-8

© Байпаков М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая.	10
Глава 1. Неслучайные покупки и случайные знакомства	10
Глава 2. Оружейная мастерская гражданина Гермocrates	18
Глава 3. Флейтистки	22
Глава 4. Вечерняя дорога на Акры	26
Глава 5. Ночные песнопения	31
Глава 6. Дорога на Катанию туда и обратно	36
Глава 7. Дознание	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Эрис Пролог

Марат Байпаков

Корректор Александра Приданникова

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Марат Байпаков, 2019

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-7179-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Жертвам революций посвящается

...а я, ничто не утаив, скажу тебе:

К восходу ярких звёзд и солнца

И в глубь земли пойду я...

Чтоб обладать богинею всесильной – Тиранией...

Еврипид. Финикиянки. 503—506 гг. до н. э.

Сицилия. Сиракузы. 450 г. до н. э.

– Боги свидетели, не мы первыми взяли за войну, но мы первыми её закончим! – Седой старик в порванной тонкой шерстяной белой тунике стоял, горестно сгорбившись, у ограды загона. В белую взлохмаченную голову впился пожухлый лавровый венок. Слезы медленно и упрямо катились из подслеповатых красных воспалённых глаз, оставляя следы на грязном лице.

– Выпускайте быков! – громко скомандовал старик, и рослый гоплит¹ в сверкающем золотом бронзовом шлеме открыл со скрипом кривые ворота загона. Раскрыв ворота, воин с удовлетворением развёл в стороны руки. В правой окровавленное дори². Кираса с частыми вмятинами покрыта красно-чёрной грязью.

Подгоняя неистовыми криками и щедрыми ударами кнутов, толпа погнала разномастных быков в загон. Там, по колени в раскисшей грязи, стояли связанные испуганные дети. Жались друг к другу и плакали. Младшие из них пытались спрятаться за тоненькие спины старших друзей. Их, наверное, было около двадцати. Быки, толкаясь грязными боками, грозно распевая рёв, рекой ворвались в загон. Детские крики потонули в ревушем топоте стада и ликующих воплях толпы. Вскоре в загоне не стало видно ничего, кроме чёрных, кремовых, белых спин быков. Кровь, пенясь, быстро окрасила серую раскисшую землю. Быки в бешенстве терзали детскую плоть, раскидывая тела в стороны большими, багровыми от юной крови рогами, втапывали хрустящие кости в землю. Серые, с кровью, малолетние тени неподвижно лежали под копытами стада. Вечно голодные вороны начали слетаться к загону. Завязалось пиршество падальщиков.

Толпа во главе с оборванным стариком бросилась прочь от крепкой изгороди к высоким столбам позади загона. Ликующие, злобные, лютые от ненависти глаза окружили пятерых связанных по рукам и ногам некогда всесильных вожаков бунта худых. Молча, ненасытно толпа ловит стоны и рыдания и пожирает с упоением зрелище горя униженных крепких мужчин, бессильных защитить детей. Подавшись вперёд к столбам, толпа расступилась. К пленникам, сильно сгорбившись, подошёл белый старец. Он медленно дрожащим кривым посохом поднял голову загорелого пленника и торжествующим взглядом обвёл толпу.

– Тиндарид! – Хриплый голос немощи бурлил от чувств. – Ты сжёг живыми наших детей и жён. Ох, нет! Женщин ты ещё и подверг безумному насилию. Скольких же ты несчастных обесчестил? Неужели тебе не было их жаль? Когда ты рубил ни в чём не повинные девичьи головы, ты чувствовал себя героем? – Пленник упорно молчал. Старик с размаху отвесил удар посохом по щеке. – Тиндарид, ты и твои нищие шакалы изгнали нас, богатых, из родного города. Мы, добрые, основали этот красивый город, приплыв сюда переселенцами из Коринфа,

¹ Гоплит – гражданин греческого полиса, тяжеловооружённый воин.

² Дори – копье.

с пустыми руками, в кораблях. Мы, добрые, сложили площади из камня, воздвигли храмы в честь богов, подняли крепостные башни. Где был твой поганый род при основании Сиракуз? Ох, ты ведь знаешь – вы побирались в Коринфе! Многих из вас не было и в славном Коринфе! Вас пригласили жить в нашем доме тираны? Вы гости здесь, поганые душегубцы!

Ты и твои ночные бунтари отрывали кровников, ищущих защиты у богов, от алтарей в храмах. Убивали их прямо там же, на алтарях, в святых, божьих местах. Дубинами убивали, попрыганными под одеждами? А что, бронзой обиды в честных поединках трудно разрешить? Всё это страшное кощунство вы, худые, сотворили, не убоявшись гнева богов! Только для того, чтобы забрать наши деньги? Разделить наши земли и скотину? А потом стать добрыми в нашем городе, что мы собирали годами по камешку? Но не может худой без заслуг стать добрым! Души наших семей требуют отмщения...

Старик закашлялся и задрожал костлявым телом. Резким движением посоха остановил юношу, обнявшего старческие плечи. Выпрямился гордыней и зло закричал в лица поверженных врагов:

– Вы, подлые ночные убийцы, хорошо запомнили нашу месть? Тиндарид, гадина смердящая, ты там всё хорошо рассмотрел? Если ты за столбом чего не разглядел, то твои дети сгинули первыми. Тени наших детей, жён, сыновей, вы отомщены! Больше не будет твоё жалкое семя, Тиндарид, родить на этой богатой земле. Ну а теперь и тебе пора увидеть мутные воды Стикса. Мы позаботимся о вас так, что даже перевозчик не узнает ваши души! Умрётё как псы безродные! Вожак бунта, ты накормишь быка Фаларида! На тебе испробуем подарок полиса Акраганта!

Обещание старика выполняется. Солдаты выкатывают на полозьях огромного старинного медного быка, открывают со скрипом дверцу на спине между лопаток, заталкивают в полость жертву. От морды быка проведена спасительная трубка для дыхания. Жертва закрывается на засов в тускло-зелёном медном быке. Солдаты разводят огонь под брюхом изваяния. Окислившаяся медь тучных боков накаляется. Медь хрустит в огне костра. Внутри чрева быка жертва безуспешно пытается выбить дверцу. Завитая, в двух витках, трубка оказывается лишь продолжением пытки: медь горяча и не даёт спасительного воздуха жертве медного быка. Трубка порождает устрашающие стенания жертвы раскалённой пытки. И вскорости нагретый медный бык громко ревет. Из его ноздрей валит клубами дым жареного человеческого мяса. Бык словно переваривает жертву – изваяние раскачивается из стороны в сторону, продолжая истошно вопить и пускать через ноздри дым. Мстители ликуют.

Оставшихся пленных развязывают и волокут за волосы силой к чанам с кипящей смолой. Толпа опрокидывает чадающие липкой копотью огромные бронзовые чаны на извивающихся вожаков. Истошные вопли боли заглушают и ликующий шум толпы, и рёв медного быка, и рёв разъярённых живых быков в загоне. Мучения продолжаются. Пленных вожаков густо обсыпают соломой, обматывают красными тряпками, символом бесславного бунта, а потом поджигают.

Жаркое солнце весеннего дня уходит за горизонт, когда пять сожжённых трупов протаскивают с оскорблениями по окровавленным улицам Сиракуз. Солдаты оставляют останки у Больших городских ворот. Облизывающиеся бродячие собаки окружают из любопытства изуродованные, покрытые липкой смолой и грязью тела. Так бесславно заканчивается мятеж худых в Сиракузах.

Старик встал на внушительных размеров плоский подорожный камень. Встав на серого сторожа дороги, он стал на три головы выше толпы. Оглядел старик хмурых мужчин. Вознёс обе руки к небу. В небо и заговорил. Его голос суров.

– На улицах и в домах лежат трупы родных нам людей. Женщины, дети, молодёжь – все там. Наш любимый город залит кровью. Ночью зажжём погребальные костры. Упокоим родных достойно.

Но там же валяется и гнусное отродье. Их останки тоже надо убрать до рассвета...

Толпа молча выслушивала не то приказание, не то громкие мысли вслух. Старик продолжил:

– Что будем делать с отродьем? Отдадим псам на прокорм? Или порубим в куски и развесим в священной дубовой роще?

Молчание в ответ. Головы мужчин склонились к земле. Теперь на старика смотрят затылки – кучерявые, прямым волосом, лысые, чёрные, седые, каштаном. Частые вздохи сопровождают раздумья.

– Собак не будем приучать к человечине! Развесим поганцев на дубах! – откуда-то из середины прокричал твёрдый бас. Руки поднимаются к небу. Толпа единодушна. С тысячу проголосовало.

Старик продолжил верховодить:

– Боги помогли нам одолеть нечестивцев! И перед скорбными делами нам надо возблагодарить богов за свершённую месть! Воспоём песни в театре? Есть силы у вас на поминальные песни?

Новое предложение не вызвало раздумий – тысяча рук поднялась к багрово-красным вечерним облакам. Старик покинул камень, твёрдо зашагал к полукругу театра. За ним солдаты-гоплиты, толпа. Путь недолгий – вот и театр. У священного источника шествие останавливается. Каждый из горючих считает долгом зачерпнуть прозрачной воды. Кто-то оmyвает лицо от грязи и крови в стороне, кто-то жадно пьёт воду, но иные поливают из ладоней темя сотоварищей по несчастью.

Победители бунта занимают подписанные места. Одиннадцать секторов мест у театра, вырубленного в скале. Театр ещё не до конца достроен, по мере роста полиса добавятся места – разметки-канавки продолжают вверх к самому священному источнику. Не случайно первые ряды и центр театра заняты. Среди зрителей прорехи. С десятков мест с именами непришедших владельцев пусто. Мужчины в грязных, рваных, окровавленных одеждах, при оружии восседают на местах знати города. Камни театра после долгого дня приятно теплы. Суровые лица граждан смотрят в прекрасный закат. Перед сидящими на каменных рядах открывается восхитительный вид на тихое, спокойное тёмно-синее море. Куда же запропастился ласковый ветер? Рваные облака в оттенках красного застыли в ожидании обещанных песен. Крыши домов обрамляют нижнюю кромку величественной картины прощания солнца с городом.

Из недр складов театра пятнадцать помощников старика выносят реквизит – огромные кожаные маски актёров. Они же первыми и образуют хор. Без всякого вступления открывается благодарственное выступление актёров. Старик без уговора поёт, а хор громко подхватывает известную песню мести из популярной трагедии:

*...О вы, убийцы и предатели, о звери кровожадные из тьмы!
Явились подло вы без объявления войны,
Нарушив чести гласный уговор – напали вы на спящих,
О, вашей гнусности предела нет!
Душили, насиловали, терзали плоть несчастных жертв!
Не так ужасна смерть скорая, как пытки...
О, как же страшен невинных жертв удел!*

*О звери кровожадные, вы жили вместе с нами.
Вы улыбались нам! Вы в верности, в глаза смотря, клялись!
Лишь для того, чтобы однажды во тьме явить нам*

Бездну горя...

Хористы запинаятся. Песня прерывается. Мужчины садятся на камень, обхватывают понурые головы и громко рыдают. Маски скрывают горе и слёзы. Но маска, увы, не под силу заглушить рёв скорбных голосов. Следующие пятнадцать певцов покидают места. Маски находят новых хозяев. Старик оглядывает прибывших, подходит к каждому, прикладывает руку к груди в приветствии. И представление возобновляется.

*...И раны можно залечить, и одноногий захромает,
Снадобья верные с заклятьями отыщутся у лекарей.
Но тот, кто пал, лишившись головы,
Но тот, кто умер в муках пыток, уже не встанет, нет.
Им не помогут наши слёзы!
Лишь дым от жертв – лекарство, подходящее для них!
Тела растерзанные холодны, глаза открытые не видят нас,
Погиблие ушли. Их путь далёк, в Аид ведут те тропы...*

Вот новая десятка сгорбившихся под горем добровольцев спешит на смену оглушительно рыдающим певцам. Рыдания певцов накрыли незримым покрывалом слушателей в театре. Солдаты-гоплиты, сняв шлемы, закрыли ладонями лица. Их бронзовые кирасы золотом отражают кровавый закат. Скорбь обретает характер дружбы, всяк из сидящих обнимает за плечо соседа. Зрители раскачиваются на местах.

*...О, что же нам осталось делать? Всем тем, кто тут стенает в горе?
Скорбеть о павших? Вспоминать их лица, их голоса?
Их смех разбудит нас среди ночи, их запахи лишат нас сна!
Как нам, живым, снести печальные утраты?
О боги всемогущие, над нами сжальтесь – утихомирьте горе!
О боги милосердные, явите милость – дайте сил нам дальше жить!*

Старик среди гама плача прекращает песнопения, шумно сбросив на камни счастливую маску и высоко воздев к небу руки. Тёмная из кожи маска тенью падает на камни, подскакивает, ударяется ребром и падает изнанкой к небу. Завершающая десятка певцов, встав тесным кругом, обнимает друг друга. Седой распорядитель песнопений оказывается в самом центре. Теперь вместо хоровой песни раздаются громоподобный рёв разрозненных мужских голосов, частые всхлипывания с перечнем имён, злобные проклятья сквозь зубы да видится танец сидящих зрителей, раскачивающийся морской волной среди ночного театра.

Часть первая.

Зима на Сицилии

Глава 1. Неслучайные покупки и случайные знакомства

*Сицилия. Сиракузы. 435 г. до н. э. Месяц Поетротий
по Дельфийскому календарю. Агора Ахрадины*

До рассвета ещё не близко. Предутренние звезды отчётливо видны в холодных сумраках медленно отступающей в спокойное море зимней ночи. Полис Сиракузы ещё спит. Издалека видны затухающие сторожевые костры на башнях города. Спящий город с высоты негостеприимных скал каменоломен похож на роскошное золотое зеркало. Та часть города Сиракуз, что вдаётся далеко в море вытянутой ручкой зеркала – островом Ортигия, – Старый город, начало начал Сиракуз, в нём лабиринт узких улиц, то прямых, то извилистых, огибающих неправильные, разновеликие квадраты каменных домов аристократов-гаморов³, потомков первых колонистов-переселенцев из дорического Коринфа. В укрепленном острове-крепости Ортигия, кичащемся гордыней древних родов предков, две легендарные агоры⁴.

Агора первая – особо чтимая, со святилищами и алтарями богам и огромным храмом Аполлону, первым храмом, что построили переселенцы покровителю колоний. И агора вторая – побольше, изящная, с прямоугольным храмом Афине, что смотрит пышным, окрашенным в синее входом и отделанным слоновой костью и золотом на гавань и верфи большой бухты. Храм выстроен тираном Гелоном в честь победы над Карфагеном. Есть и особая реликвия на острове. В Ортигии известная святыня – источник Аретузы, нимфы, что превратилась в ручей пресной воды. Аристократы, жители Ортигии, – владельцы обширных поместий, что кормят зерном Грецию. Старый город Сиракуз окружён высокими, неприступными толстыми каменными стенами при квадратных башнях. Ортигия как одинокий грозный боевой корабль из Коринфа, что причалил к скалам Сицилии.

Овальное зеркало, что примыкает к ручке острова Ортигия и соединяется с ним широким плотиной-мостом, – богатый городской район Ахрадина. Место проживания торговцев, собственников кораблей, трапезитов⁵ и пришлых умелых неграждан-метеков, владельцев складов, мельниц и мастерских. Зеркало взбирается даже на склоны крутой высоты и тянется на восток до гавани Трогала. К престижной Ахрадине с севера как окантовка пристроился новый район Теменитес, обитель гордых, небогатых граждан города, владеющих скромными наделами и правом голоса в собраниях полиса. Через Теменитес входит особо оберегаемое достояние полиса, что поит горожан водой, – керамический водопровод, протянутый до реки Анапос.

С востока за процветающими соседями завистливо наблюдает Тихе, район обжитый, густонаселенный, – трущобы подёнщиков из городской бедноты. Скалистый Тихе плохо подражает прямым улицам соседей кривыми стенами одноэтажных домиков, крытых тростником. Но и у бедного Тихе есть повод для гордости – скромный храм богине изменчивой судьбы на небольшой площади. В её честь, непостоянной и раздающей вслепую дары, и назван квартал.

³ Гаморы – аристократы-землевладельцы.

⁴ Агора – городская площадь.

⁵ Трапезиты – банкиры.

Какой бедняк не мечтает услышать шёпот Тихе: «То, что было наверху, окажется внизу, то, что было внизу, окажется вверху»? Шумным днём Тихе даёт городу необходимый для построек местный известняк из рабских каменоломен.

Пусть Ортигия запуталась в узких каменных улицах, подъёмах и спусках, но Теменитесу и Ахрадине есть чем гордиться. Их улицы широкие, прямые. Кварталы Ахрадины и Теменитеса щеголяют фонтанами для разбора питьевой воды, канализацией, что скрыта под камнем мостовой. Кварталы двух районов схожи меж собой, как братья-близнецы. Десять одинаковых, в двух этажах, домов, крытых красной черепицей, на одинаковых наделах, делят по-соседски стены-перегородки из сырого кирпича. Снаружи кирпичи кварталов и домов безликие серо-коричневые, но вот внутри дворики богатство красок. Теменитесу, что небогат, но дружен, достались в заботу почти достроенный театр, постепенно вырубаемый в скале, алтарь Дионису и священный источник у театра.

Достался цветущей Ахрадине и гимнасий, место упражнений молодёжи, окружённый со всех сторон простыми, а с южной стороны и двойными портиками из камня. У богатой Ахрадины в попечении собственная агора – торговая. Агора новостей и сплетен; оглашения указов совета полиса; место встреч друзей, завистников и врагов, скамьи сделок, ссуд и зрелищных судов. Агора богатой Ахрадины не соперничает, но дополняет простой жизнью церемониальные, для почитания богов, агоры аристократической Ортигии. При агоре Ахрадины богато отделанные мрамором пританеи – место суда и государственных коллегий.

Вот и сегодня ранее прохладное зимнее утро уже наполнено жизнью на полукруглой агоре Ахрадины. Любимое место горожан не пустует: пятеро низкорослых мужчин-рабов, собственность Сиракуз, чистят и моют камни мостовой, готовят агору к новому дню. Обрывки их весёлой негромкой болтовни на фракийском лёгким эхом разносятся в камнях солидных зданий, что образуют полукруг. Агора поделена на равные размером лавки, закрытые по традиции до восхода – по левому краю металл, изделия из золота и камня, по правому еда, в центре отполированный белый мрамор с законами города, и позади священных камней рабский рынок.

К агоре Ахрадины примыкают священные алтари богов-олимпийцев, за ними, повторяя контур полукруга, в тесноте, теснясь из кирпича, сложились бесчисленные мастерские, вместительные склады и скромная тюрьма с узким входным проёмом, ныне пустая за спокойным временем. За мастерскими уже кварталы горожан. Агора щеголяет гладким местным камнем, сложенным в узорах морской волны, украшена статуями богов, особо почитаемыми жителями торгового района. На пожертвования благодарных граждан отлиты из бронзы те бессмертные – те, кто издавна покровительствует процветанию района.

Надменно поверх голов людского племени смотрит острой, длинной, в барашках бородой бог морей. Сияющий золотом бронзовый Посейдон с голубыми холодными глазами ищет тучи в безмятежном, ещё тёмном предрассветном небе Сиракуз. Из его крепких жилистых рук готова вот-вот выпрыгнуть крупная рыба с открытым ртом и набыченными глазищами. Треугольные, острые на вид плавники диковиной позеленевшей рыбы – дара Посейдона, наполненные руками суеверных купцов, блестят в факелах первых посетителей рынка. Переменчивого покровителя морей воздвиг у входа в немалый рабский рынок тиран Гелон. Перед статуей жертвенник из местного камня для раскуривания ладана.

Зажиточные купцы богатой на зерно сицилийской земли, не отставая от удачливого правителя, отлили складчиной в металле Гермеса в открытом шлеме, всем известного покровителя ораторов, купцов и воров, с керикейном⁶. Дружелюбный зеленоглазый бог-странник Гермес, стоя на розовом пьедестале напротив, восхищённо наблюдает мечтательного Посейдона и, кажется, хочет что-то пропеть свирепому богу моряков – верно, про непостоянную морскую удачу. Перед статуей покровителя вкопан массивный, очень чтимый среди торговцев мрамор-

⁶ Керикейон – крылатый жезл со змейками.

ный жертвенник для предсказаний и две наполированные бронзовые масляные лампы, прочно прикованные свинцовыми цепями к простым серым опорам из каменоломен малообжитого скалистого района Тихе Сиракуз. На жертвеннике красуются имена торговцев, на чьи пожертвования воздвигнут Гермес. Обе статуи, как Посейдон, так и Гермес, заботливо прикованы за ноги несколькими витками медных цепей, дабы удержать непостоянных богов-покровителей в агоре. Зевса и богов-олимпийцев горожане не забыли, но их статуи, в крашенном многими цветами мраморе, изваяны едва лишь в четверть роста и скромно расставлены по периметру рынков агоры. Перед ними небольшие алтари.

За обликами богов-олимпийцев скоро запоёт горькие, развесёлые невольничьи песни рабский рынок. Первую партию рабов уже пригнали. Но рабов ещё совсем немного. Три группы по пять-семь большей частью голых мужчин, среди них сидят укрытые с головой, непонятного возраста и происхождения женщины, с ними дети, подростки, спящие на мостовой. Перед рабами сложены медные цепи и верёвки. Надсмотрщики, их четверо, в простых хитонах, повязанных простым ремнём, с плетью, позёвывая, ожидают управителя рабского рынка. Ждать остаётся уже совсем недолго. Рабов после осмотра управителя положено привязать к каменным столбам с выбитыми номерами.

С западного входа в агору неожиданно для всех присутствующих входят трое. Трое молодых мужчин, с распущенными длинными волосами, в богатых одеждах знати, на плечах овальные плащи-хламисы, из-под которых виднеются пятнами белые хитоны при двух поясах с яркими золотыми пряжками. Аристократы из Ортигии громко смеются. В руках знатных гостей агоры факелы. Походка гаморов легка – нет, троица не возвращается с попойки, из богатых кварталов Ахрадины, что примыкают к агоре.

– Гермократ, давай спросим у Гермеса прогноз на сегодняшний день!

Юноши выбирают из своей компании вопрошающего. Раскуривают ладан на жертвеннике. Выбранный что-то шепчет на ухо Гермесу и удаляется за пределы агоры, но вскоре юноша возвращается смущённым.

– Какое слово? Какой вердикт на день? Плохое?

– Ну же, говори, Гермократ! Какое слово первым услышал? Придушу, не тyani.

– Услышал «судьба» от двух прохожих.

– Вот так предсказание!

– Удивил!

Чистильщики-рабы замолкают, немедленно встают с колен. Надсмотрщики настороженно оборачиваются к шумным друзьям-аристократам. Их намерения им непонятны. Троица останавливается в центре площади, у камней с законами, весёлый разговор, громкий смех смолкают. И... знатные резко поворачивают к рабскому рынку.

Первые лучи светила радостно пробегают по плоским крышам спящего города. Однако ночные звёзды не спешат исчезнуть даже с появлением торговца рабами, что чуть не бегом, приподняв края хитона левой, придерживая правой рукой на груди плащ, спешит явно навстречу трём незнакомцам. За ним спешат ещё двое – верно, помощники-рабы? Но их тёмные фигуры не разглядеть даже при свете их факелов. Завидев перемены в знакомом торговце, надсмотрщики выказывают сообразительность. Под властные окрики рабов поднимают, и вот уже живой товар стоит двумя ровными рядами – ряд мужчин, ряд женщин и детей.

– Хайре, Писандр! – издали выкрикивает аристократ – тот, что посредине троицы аристократов, и тот, что испытывал предсказание у Гермеса. Ему по виду года двадцать два или двадцать четыре. Чёрные волосы кудрявы, длина до плеч, ровно остриженная, намащённая душистым маслом борода клинышком. Открытое, располагающее к себе лицо в правильных чертах. С горбинкой нос. Густые брови. Зелёные, с умным взглядом глаза обнаруживают человека, тратающего время на размышления. Юноша, без сомнений, красив. Троица аристократов

равна высоким ростом, но никак не сложением. Один из них, тот, что с правого края, массивен, гора мышц, – силач, чрезмерно увлечённый борцовскими соревнованиями, двое остальных подтянуты и худы.

– Хайре, Гермократ! Хайре твоим друзьям! – Едва лишь прокричав в ответ положенное приветствие, бегун замолкает, схватывается за бок, сгибается чуть не вполовину и мучительно переводит дыхание. Троица переглядывается меж собой. Двое сопровождающих настигают Писандра. В свете их факелов видны простые чёрные хитоны длиной едва до середины колен, не подшитые понизу. Рабы-помощники участливо подхватывают под руки тяжело сопящего хозяина.

– Простите, отдышусь... – Писандр словно бы боится поднять голову. Часто дышит в каменные плиты агоры. Переведя дух, торговец наконец поднимает плешивую седую, в густой перхоти, голову. – И да пребудет с вами олимпийское здоровье! – Аркадец Писандр мягко вливает ионическим наречием слова. Небольшого роста, с большим животом, он скорее перекачивается, чем шагает навстречу троице.

– А ты умеешь подольститься! – Гермократ хлопает в ладоши. Негромкий дружный смех летит в ответ Писандру. Глаза торговца с жёлтой поволокой искрятся радостью от встречи. – Знакомся, Писандр, это мой друг Мирон... – Здоровяк игриво пощёлкал зубами и иронично посмотрел в глаза торговца. Писандр замечает квадратный волевой подбородок с ямочкой, ломаный нос и ломаные уши. Карие глаза Мирона прищурены, как от яркого света, излучают откровенное недоверие. – Мой друг Граник. – Граник добродушно улыбнулся. Его чёрные глаза счастливы, в искорках веселья. Его лицо до крайней степени схоже с дружелюбным ликом статуи Гермеса.

– Два ценных предложения к тебе, почтенный Гермократ. – Обеими руками Писандр указывает на два ряда рабов. Хитро подмигивает, полушёпотом продолжает: – Второе оглашу, если сторгуемся на первом.

– Мирон, – Гермократ оборачивается к другу, – сдаётся мне, нас удивят.

Мирон касается рукой плеча друга, напускает на себя наигранно удивлённый вид, состоящий из поднятых бровей, округлых глаз и сурово сжатых губ. Граник, оценив гримасу Мирона, громко смеётся.

Писандр без промедлений устремляется к рядам, хватая за руки тёмную фигуру в непонятном рубище, выводит к троице. Торговец грубо, рывком скидывает с головы остатки накидки или головного убора – перед аристократами предстаёт рослая девушка лет девятнадцати, по виду из Скифии. Писандр постарался – хоть лохмотья на товаре грязные, но лицо умыто, каштановые волосы чисты и уложены в косы. Гермократ заинтересованно кивает головой, Писандр полностью обнажает рабыню. Долгий морской переход заметно сказался на девушке – удобка до костей.

– Ничем не больна? – за друга начинает дела Граник. Веселье сменяется тоном сделки. Писандр открывает рот. Все зубы белые и на месте. Рабыню оборачивают в несколько движений на месте, словно в танце. На спине нет следов плётки, рубцов, следов болезней.

– Хороша телом. – Граник одобрительно смотрит в глаза Гермократу. – Здоровье у неё отменное.

– Мы не только за телами пришли... – решительно вступает в разговор суровый Мирон. – Писандр, что умеет рабыня?

Опытный торговец не спешит отвечать на вопрос, его глаза хитро обегают троицу. Ладони складываются, поглаживают друг друга и внезапно раскрываются в сторону друзей.

– Умеет пасти лошадей! – Писандр выпаливает разом ответ на загадку Мирона. Мирон удивлённо, уже по-настоящему улыбается и качает головой точь-в-точь как Гермократ.

– Почём знаешь? – тут же, без промедления летит от Граника вопрос. Суровость Мирона покинула хозяина и вселилась в весельчака Граника.

– Есть толмач. – Писандр готов к такому вопросу. Раб из сопровождения, с факелом, делает шаг к Писандру. – Спроси у неё!

Толмач, медленно проговаривая слова на скифском языке, дважды проговаривает вопрос рабыне. Рабыня гордо поднимает голову и надменно отвечает – коротко, в нескольких словах. Её слова звучат по тону как вызов. Надсмотрщик распускает плётку, но Писандр выставляет левую руку, закрывая рабыню.

– Говорит, что всех вас научит управляться и с лошадьми, и с колесницами, и с луком. – Толмач-раб с робостью в голосе озвучивает ответ.

– Нагловаго... – Писандр едва успевает выговорить, как слышит восхищённые рукоплескания от трёх друзей. Троица рукоплещет нагой рабыне. Писандр часто моргает, оборачивается к рабыне и также хлопает в ладони.

– Так-так, но, дорогой мой... – От «дорогой мой» Писандр расцветает в улыбке, рабыню отводят в сторону от прочих рабов. Гермократ провожает взглядом выбор, не спеша продолжает: – Писандр, мне нужен служка.

Гермократ замолкает, Писандр хлопает в ладоши, второй раб расталкивает ряд женщин и вытаскивает голого мальчика лет десяти-двенадцати. По виду пастушка.

– *Умело ходит за скотиной!* – Писандр предугадывает будущую профессию раба. – С тех же самых краёв, что и наглая девица. Дознание с пристрастием проводил, ручаюсь за слова!

Гермократ обменивается взглядами с друзьями, Граник и Мирон часто кивают головой. Писандр довольно потирает руки. Как вдруг совершенно неожиданно рабыня-скифянка бросается к ряду женщин, скрывается в нём, кого-то поднимает с камней и под руки вытаскивает скорее умирающего, чем достойный для продажи живой товар.

– Кто это? – Вопрос Граника адресован скорее деве-рабу и толмачу, что участливо поддерживает тело, чем владельцу товара. Писандр напускает недовольный вид, уже было собирается что-то приказать надсмотрщику, как ловит краем глаза запретительный жест Гермократа.

– О почтенные граждане Сиракуз, Писандр никогда бы не предложил вам жалкие останки. – Мирон разочарованно проводит ладонью по лбу. – Она здорова, путешествие не вынесла. Отказывалась есть, и если бы не моё второе предложение... – Писандр поигрывает бровями. – Второе предложение за свой счёт её, неблагодарную, кормило и поило...

– Хорошо, её тоже беру. – Гермократ удивляет не только торговца, но и надсмотрщиков. Четверо мужчин с плётками уважительно прикладывают правые руки к груди.

– За неё плату очень скромную возьму. Вам хоронить её предстоит. Расходы как-никак. – Писандр сочувственно посматривает на суму Гермократа. Широкий взмах рукой. – Даже нет, отдам бесплатно! Дня три протянет и помрёт.

– Начнём торг? – Сурово проговаривает сквозь зубы Граник. Мирон широко, до белых зубов улыбается какой-то непонятной хищной улыбкой.

– Такие виртуозные речи я уважаю! Да вы, никак, заранее подготовились к торгу? – Писандр оценил слаженное «торговое нападение». – Сразу за долгую дружбу с гордостью Сиракуз низкую цену дам. За троих... – быстро поправляет сам себя Писандр. – За двоих живых и дарёный труп...

Смех троицы заразительно передаётся волной к толмачу-рабу, далее к надсмотрщикам и от них к городским уборщикам-рабам. Писандр счёл долгом поддержать веселье. Не уронив достоинства торговца, после всех громко засмеялся – и смеялся уже в тишине. Утерев смешливую слезу, аркадец оглашает цену:

– Две с половины мины серебром за живых.

Троица довольно переглядывается. Цена и вправду низкая. Гермократ протягивает правую руку Писандру. Писандр сжимает обеими руками руку аристократа.

– О чём тут торговаться – цена отличная. Ты не плутовал. Беру. – Гермократ раскрывает суму, отсчитывает монеты. Писандр внимательно следит за монетами, не пересчитывая, прячет плату за товар в пустой кошель.

– Отряжу рабов для переноски «трупа»? – скорее бесспорным утверждением, чем вопросом, проговаривает торговец.

– Сними с неё рубище, сам понесу, для упражнения... – Ответ Гермократа вновь повергает в удивление свидетелей торгов. Уборщик роняет деревянный скребок. Щелчок от падения скребка разносится эхом по агоре. Останки одежд складываются горкой мусора на камнях рабского рынка. Нагое чистое тело смертельной худобы светится белизной, на руках умирающей рабыни замысловатая вязь татуировок. Гермократ подходит к сидящей рабыне и уже собирается её поднять, как вдруг Писандр, выйдя из оцепенения, чуть не криком останавливает аристократа:

– Второе моё предложение не хотите услышать?

Мирон и Граник торжественно подбочениваются, выставляют манерой правые ноги в сандалиях – так, словно выступают перед собранием, для своего друга. Теперь гордые аристократы достойны мрамора. Гермократ улыбается друзьям-насмешникам.

– Со мной на *третьем моём корабле*, там, где разместились *мои наёмные воины* из самого Милета... – Писандр наполнился гордостью за себя самого, удачливого и богатого купца. – Пассажирками приплыли к вам, в великие Сиракузы, две флейтистки. Свободные жительницы Милета. Щедро заплатили за перевозку себя и поклажи. Не бедствовали в Милете. – Торговец замолчал, заискивающе посмотрел в глаза Мирону и продолжил осторожно: – Ах, как они чудесно поют! С ними были музыкальные инструменты, выкормили труп, вам мною подаренный. Жалостливые. Такие красивые – у-ух! Да вот беда, негде им остановиться на постой, то есть навсегда... – Торговец зачем-то хитро подмигнул друзьям. – У них есть тайное намерение обжиться в вашем великом городе. С их певческим дарованием они, конечно же, не пропадут. Деньги потекут к ним рекой.

Писандр закончил витиеватый пассаж, вновь торговой привычкой принялся тереть друг о друга ладони.

– Пустует у меня городской дом, здесь за площадью. Немалый, при двух этажах, с небольшим двориком, – неожиданно для Писандра заговорил Мирон. Согласен разместить их за разумную плату. Дам и бесплатный срок аренды для успешного начала музыкальных дел. – Мирон выказал умение вести аренду.

– Приглашу? Флейтисток? – Писандр явно искал дружбы у аристократов Сиракуз. Трое подняли правые руки. Выражения лиц у троицы крайне серьёзные. Только ли доходной арендой дома заинтересовал аристократов аркадец?

Писандр торопливо удаляется, оставляя двух рабов. Гермократ оборачивается спиной к надсмотрщикам. Троица о чём-то перешёптывается. Хозяин живого товара оборачивается, находит взглядом толмача-раба, усевшегося на плиты рынка, и надменным голосом, не терпящим возражений, командует:

– Принеси воды для моих покупок. Да побольше.

Раб с готовностью бросается исполнять приказ важного гражданина Сиракуз. Гермократ оборачивается к надсмотрщикам, прикладывает руку к бороде, хмурит лоб, словно что-то припоминая. Не дожидаясь его слов, ближний к аристократу служивый с плёткой вопрошает:

– Рассказать о торге управителю рынка? Внести отметку в список купленных рабов за вас, почтенный гражданин Гермократ?

– У тебя, милейший, божественный дар читать мысли! – От ласковых слов Гермократа улыбаются все присутствующие. Ожидание воды не затянулось – три кувшина, полные родниковой водой, услужливо, возможно из солидарности к купленным, предоставили городские уборщики. Гермократ уверенно пресёк попытку толмача-раба подать кувшины рабыням.

С видом радетельного хозяина взял первый кувшин и сам обеими руками уважительно вручил сидящему «труп». Затем два кувшина проследовали к стоящей нагой скифянке.

– Как думаете, друзья, я смогу поставить на ноги умирающую? Заключим пари? – Гермократ, предлагая пари, заботливо придерживает простецкий кувшин, помогая пить «труп».

– Дева красивая. Стоит похлопотать. Может, и какие скрытые дарования всплывут. Пари принимаем. На два кувшина моего вина? Или поднять пари? – за себя и за Граника заговорил силач.

– Два кувшина достаточно. А с меня... – Гермократ привстал, предоставив заботу о кувшине умирающей деве. Но впал в раздумья при виде приближающихся флейтисток. Их оказалось почему-то три, никак не две, как обещал Писандр. Дорожные плащи с капюшонами накинуты поверх простых, тёмных оттенков серого пеплосов, чуть не в пол должностной жреческой длиной. Светило окончательно вступает в права дня. Факелы уже не нужны. Рабы их тушат. Три тонких девичьих тени неслышно следуют за бегущим торговцем.

– Писандр, ты же задыхаться будешь! Ой, не спеши так, друг! – Граник вновь обретает весёлость. За заботливостью в голосе звучат любопытство и интерес.

Писандр, однако, не сбавляет темпа, настырно достигает цели забега и, как предсказывал Граник, сгибается пополам и с трудом переводит дыхание. В тишине три девушки и трое аристократов внимательно изучают друг друга. Те взгляды серьёзны – верно, схожи с взглядами медведей, что случайно повстречались на опушке леса. Девам около двадцати, не больше. Флейтистки очаровательны, красивы, по твёрдым взглядам – с характером и умны.

Писандр поднимает голову и ловит долгие взгляды двух сторон. Встаёт между девами и аристократами, раскидывает в стороны руки, бодрящим тоном восклицает:

– Вы хотите сказать, их тоже *три*? Да? Мой сюрприз! Писандр тоже умеет шутить! Знакомьтесь, друзья! *Мегиста*... – Высокая черноволосая дева, в простом сером дорожном пеплосе с тремя полосками по нижнему краю, плаще с капюшоном поверх волос, вскидывает руку в приветствии. – *Неэра*... – Дева пониже ростом Мегисты, кареглазая, с каштановыми волосами, собранными в замысловатую причёску, поднимает руку. – *Тимокля*! – Изящная, хрупкая девушка, слегка пониже ростом двух своих подруг, с серыми глазами, волосами в простой причёске, вдруг разрывает напряжённую тишину и смеётся во весь голос. Три эллинки хохочут в лица застывших, изумлённых и очарованных юной красой аристократов Сиракуз.

– Я рад, что встретился сегодня с вами. Я так рад, так рад, что вы и с арендой сошлись... – Писандр заплетается языком, уже в который раз проговаривая благодарности Гермократу. Перед рабами остались только они. Два друга с флейтистками удалились только что – показывать пустующий дом Мирона. – С солидными людьми Сиракуз так приятно иметь торговые дела!

– Послушай, Писандр... – Гермократ прерывает поток благодарностей. – Знаю, это не последние твои попутчики из Милета.

– Не только из Милета товар вожу... – успевает вставить гордый аркадец. Гермократ уважительно прикладывает руку к плечу торговца.

– Так вот, сообщай мне первому о... – Но Писандр разрывает речь аристократа.

– ...о людях, *достойных твоего внимания*? – доверительно шепчет торговец. Гермократ согласно кивает головой, оборачивается к своим покупкам, пресекает жестом очередную попытку Писандра и услужливого толмача-раба посодействовать в доставке «труп», наклоняется, подхватывает под руки сидящую деву, легко вскидывает её, невесомую, на крепкое плечо.

– Гермократ рачительный хозяин! – хором выказывают уважение надсмотрщики. Рабы-уборщики прикладывают правые руки к груди.

– И да осветит тебе путь Аполлон, мой Гермократ! – ласково выкрикивает вслед Писандр.

Аристократ важно покидает утреннюю агору с серьёзными покупками. К нему в сопровождение, замыкая шествие, присоединяется раб-полицейский. Служащий полиса важно помахивает в руках увесистой дубиной. Гермократ держит неблизкий путь к своей знаменитой оружейной мастерской, что в трёх кварталах от больших верфей Ортигии, у самой крепостной стены острова, со стороны малой гавани.

Глава 2. Оружейная мастерская гражданина Гермократа

Путь до нарядного синего портика восточных ворот агоры рабы и Гермократ проделывают молча. Молодой аристократ шествует с ношей, на два широких шага впереди живых покупок. Знатный гамор напустил на себя отборно-надменный и даже с оттенком ядовитой спеси самодовольный вид. Юноша хочет выказать немногим зрителям природную силу, и ему это успешно удаётся. Со стороны может показаться, что его нелёгкая живая ноша легка, как дорожный плащ. Едва покинув агору Ахрадины, хозяин и его рабы резко сворачивают на юг, на прямую улицу, что ведёт от малой гавани к плотине, соединяющей прочие районы полиса и укрепленный остров Ортигия.

Ранним утром всегда оживлённая днём широкая улица, полная чинно вышагивающих паломников, как и крепкий мост-плотина, оказываются пустыми. Гамор с сопровождением переходит по плотине к открытым крепостным воротам, обменивается мелодичным пересвистом с юным стражем из всадников⁷, беспечно свесившим ноги с парапета башни, и чинно входит в Ортигию. Тёмный проход с давно потухшими факелами, недосмотр неопытного стражника, ведёт через башню ворот в старый город. За башней улица имеет лёгкий, со ступенями подъём в гору.

Гермократ останавливается на короткий миг в недрах башни, незаметно утирает пот с лица, переводит дух, сопровождение гамора обгоняет хозяина. Раб-полицейский предлагает помощь, но гамор молча отказывается. Юноша с ношей на плече решительно шагает в проём внутренних ворот с твёрдым намерением вновь возглавить колонну. Едва лишь только вступив в узкую извилистую улицу каменных строений, его процессия тут же сталкивается чуть не лбами с тремя куда-то очень спешащими рабами: двумя женщинами и подростком, держащими пустые плетёные корзины. Рабы удивлённо расширяют глаза, на краткий миг застывают в изумлении и неожиданно резво оббегают остановившуюся колонну, чтобы... выстроиться в плотный ряд и прикрыть собой шествие, высоко над головами поднявши корзины. Гермократ снисходительно улыбается и продолжает оставшийся путь до мастерской. Сумрак утра наконец-то наполняется светом.

Встреченные рабы сопровождают торговое шествие, без всякого на то согласия от аристократа. Босоногий подросток бежит далеко впереди, оглядывает пустые по раннему утру улицы, замыкают же растянувшееся шествие две женщины-рабыни, готовые в любой момент повторить манёвр с прикрытием. Гермократ же, совершенно не смущаясь своей голой ношей, напевает под нос весёлую рыбацью песенку.

Подросток-раб знает, похоже, не только именитого гражданина Сиракуз, но и краткий путь к его мастерской. Он устремляется в поворот на север, потом на восток, и вот узкий проход между домами расширяется, являя небольшую площадь, образованную двумя зданиями оружейных мастерских, арсенала и казармой городской стражи. Напевы рыбацкой песенки поднимаются на полтона громче. Подросток-раб вопрошающе смотрит на юношу-аристократа, тот указывает взглядом на среднее строение. Но помощи смышлёного раба не потребовалось, песенку услышали – за воротами шум. Створка отворяется, в проёме показывается мастерской – наголо бритый мускулистый раб, выходец из страны кельтов, густо перемазанный золой, в тёртом переднике из воловьей кожи, надетом на голое, загорелое дочерна тело.

– Хайре, хозяин! Да даруют тебе здоровье боги! – Мастерской устремляется на помощь, но Гермократ останавливает его левой рукой. Обратившись назад, аристократ встречается взглядом с каждым из трёх рабов и рабом-полицейским, что добровольно сопровождали в пути. Надменности знати гаморов в том благодарном взгляде нет. Плетёные корзины тут же

⁷ Всадники – сословие.

прикладываются к животам жестом прощания, принятым среди рабов, и трое сопровождающих с рабом-полицейским покидают площадь арсенала, казарм и оружейных мастерских.

– Хайре, Косма! Боги с тобой, мой друг! Вино сготовь. Харчи какие-нибудь вчерашние от ужина остались? – провожая взглядом удаляющихся попутчиков, тихо говорит с площадью Гермократа. В голосе гамора сквозит беспокойство. Косма нарушает порядки и первым исчезает в проёме ворот, из которых только что появился с приветствием.

– Это наш дом? – неожиданно заговаривает скифянка.

– О! Да ты говоришь по-эллински? А то думал – как с тобой общаться? – Аристократ смеётся. – Почему раньше не сказала?

– Никто и не спрашивал. – Скифянка почтительно наклоняет голову.

На площадь из проёма ворот выбегают трое жилистых и крепко сбитых мастеровых-рабов. Особо не интересуясь мнением хозяина, ловко снимают с плеча «труп» и бережно вносят в проём мастерской. Кивком головы Гермократа указывает путь рабыне и юному рабу. Оставшись один на небольшой площади, знатный муж разминает затёкшее от костлявой ноши плечо и шею. Песенка, что негромко напевал, звучит теперь уже в пол певчего голоса. Голос у юноши поставлен хорошо:

*Скромен мой улов сегодня:
Всего три рыбки я домой несу.
Из моря выудил бы больше,
Хватило бы еды и вам, мои соседи!*

*Да только ветер в игры стал играть!
Да только лень сморила-уморила,
И я заснул, и мне приснился
Весёлый-дивный рыбный сон...*

– Вино и харчи готовы, почтенный! – голос Космы враз прерывает простонародную песню аристократа. К Косме оборачивается Гермократа – нет, не тот, что шёл с торговой агоры, другой – по-домашнему открытый и насмешливый.

– Ну хоть умылся! А то лезешь обниматься чумазым. – Смех взаимен. Гермократа первым входит в свою мастерскую. У порога на соломенной плетёнке лежит голый «труп». Дева смущённо прикрывает ладонями грудь и промежность.

– Как думаешь, Косма, откачаем? Пари заключил на три кувшина отборного сицилийского за её жизнь.

– Если боги подсобят – откачаем, почтенный хозяин. – Слова звучат наигранно бодро, да только вот вид у управляющего оружейной мастерской без надежды. Трое мастеровых из тех, кто встречал хозяина, подносят разбавленное вино в кувшине, лепёшку и миску с тёплым супом. Скифянка присаживается и усаживает деву с татуировками.

– Начнем с рыбной баланды? – но это не вопрос, а приказ. Миска с наваристой ухой из рук Гермократа «трупом» охотно принята, и дева в три жадных глотка опорожняет простой сосуд.

– Будет жить, – уже уверенно выносит лекарский вердикт управляющий Косма. Гермократа встаёт, с силой хлопает по плечу крепкого мужа.

– Значит, так, мой Косма, накорми, дай чем прикрыться, не обижайте их, и на закате отправляй обеих в мой городской дом. Если не сможет идти сама... – Гермократа властным взглядом обвёл троих старших мастеров. Те молча опустили головы. – Завтра или послезавтра отбуду на рынок скота в Катанию за племенными италийскими лошадьми. Перегоню купленное стадо в поместье. Дней за десять управлюсь. Рабыни из Скифии мне для разведения лошадей нужны. Заказы срочные для арсенала закончи, оплату последнюю прими. Без моих на то разрешений в долг работу от горожан не бери. Обсуди, что да как, мерку, если надо, сними,

а с задатком повремени – на меня сошлись. Чтобы обид не возникло, в список очереди впиши при клиентуре.

Владелец оружейных мастерских направился в открытый внутренний дворик квадратного двухэтажного строения, где готовились к новому дню младшие мастера и подмастерья. Посреди деловых разговоров Гермократ замирает, хлопает себя по лбу и властно кричит в сторону входа:

– Скифянка! Подойди!

Не стыдясь наготы, рабыня отважно предстаёт пред десятком работников мужского пола.

– С каким оружием знакома?

Прекрасно сложенная дева упирает руки в бока, тщательно рассматривает двор, заставленный готовыми разновеликими копьями, мечами, кинжалами, дротиками, десятком незавершённых секир, и молчит.

– Ты же говорила на рынке, что научишь нас управляться с колесницей и луком? – Громкий мужской хохот разрывает тишину мастерской.

– Вот с ними... – Правой рукой дева указывает на дальний, тёмный угол с пятью луками и связками стрел. – И с ними управлюсь! Не знаю их имена. – Рука указывает на короткие копьё для конного боя.

– Когда отправишь рабынь ко мне, дай ей копьё, на которое она указала, и те два лука. К лукам приложи коробка с четырьмя десятками стрел. – Гермократ отпускает деву. Мастерские с восхищением провожают взглядами нагую скифянку.

– Будет чем сторожить лошадей от опасного люда. – Косма понимающе кивает. – Второй лук для «труп»?

– Да уже вроде как не «труп». – Гермократ пристально вглядывается из-за плеча Космы в тёмный проём закрытых ворот. – Уплетает хлеб с вином.

– Метить их хозяйским клеймом будем? – Косма с лаской смотрит на тяжёлые копьё для голплитов, но говорит управляющий мастерских явно не об оружии.

– Пока нет. Хочу оценить *их* в труде. Сомнения в ценности товара определённо имеются. Слишком много выслушал хвалебных речей от продавца. – Гермократ поглаживает ладонью готовое копьё для конного боя. И вновь странные понимающие взгляды управляющего, старших мастеров сходятся на скептической гримасе хозяина оружейных мастерских.

Почти в полдень в ворота шумной мастерской трижды постучались. Первый раз стук почти не услышали за шумом работы, второй раз стук пропустили за перебранкой, *кому открывать те самые ворота*, а третий стук уже дополнился нешуточными угрозами *расправиться за неуважение*. Ворота мастерской с молчаливого одобрения мастеров открыла скифянка.

– О-о! – с проёма восторженно поприветствовал новую ключницу Граник, за ним последовал в мастерскую громадина Мирон. Он же и выкрикнул в затихший внутренний дворик:

– Гермократ, хватит прятаться! Выходи! – Но Гермократ не сразу отозвался. Скифянка указала вытянутой рукой на лестницу, ведущую на второй этаж. Гордость хозяина мастерских – новое веяние в убранстве домов – крытый проход, портик, по всему периметру мастерской окружает комнаты второго этажа. Из внутреннего дворика не видны помещения, даже если настежь открыты двери. Гладкое дерево округлых перекладин заскрипело под нешуточным весом неразлучных друзей. Единственная полуоткрытая дверь второго этажа бесцеремонно распахнута, и двое друзей обнаруживают Гермократа сидящим на резном ложе, напротив него трое незнакомых мужчин в кожаных передниках мастеровых, в двух тёмных и белой театральных масках. Стены комнаты, двухкомнатной спальни управляющего Космы, расположенной на престижной северной стороне дома, свежеразкрашены – подчёркнуто богато, в сине-красно-

жёлтый триколор. Не у каждого торговца из Ахрадины дома в андроне⁸ такие насыщенные цвета.

– Это чем вы тут занимаетесь? Играете в театр? Какая постановка? Кто тут, кто? – шутливо потянул Граник, но Гермократ взглядом попросил прикрыть широко открытую, плетённую из ивы дверь. Сосновый пол полутёмной комнаты оказался удивительно чистым. Двое аристократов заняли места по обоим бокам друга.

– Снова будем *петь в ночи*? – шёпотом заговорщически заговорил Мирон. Гермократ прошёлся ладонью по бородке. Театральные маски покинули незнакомцев, раскрыв лица старших мастеров и управляющего. – А нам? Нам маски тоже сделал?

– Неужели без нас решил обойтись? – Граник обиженно насупился. – Что, мало нашлось слушателей на наше песнопение?

– Как флейтистки? – не отвечая на вопросы, произнёс хозяин мастерских.

Лёгкая улыбка сменила хмурую серьёзность на лице Гермократа.

– Разместили. Скарб перевезли. Даже посудой посильно помогли. – Мирон охотно переменял тему разговора.

– *Посудой посильно* он не отделался. – Ироничный Граник выглянул из-за Гермократа на Мирона. – Одолжил кухарку.

– Пристроил в аренду, за умеренную плату, лишнюю кухарку. – Мирон деловито поправил друга. Трое негромко засмеялись. Под смех Гермократ получил тычок локтем в бок со стороны Граника. – Мегиста интересовалась тобой.

– Нас приглашают сегодня вечером! – неожиданно громко сообщил Мирон. – На представление!

– Ты хоть плату с них брать будешь? Может, просто паломникам или торговцам сдавать? – обеспокоенно поинтересовался Гермократ. – Хоть дом и небольшой, но гостям большего и не надо на короткий срок? Разорение ведь такие постояльцы! Ты что, себе в убыток, для дружбы с нашей филой всадников⁹ стараешься?

– Торг честный состоялся. Дом понравился сразу. Местоположение в достойном окружении и рядом с храмом оценили многими словами. Потом раздали щедрые хвалы за мебель. Мозаикой на полу долго восхищались. *Какой замысел! Какая тонкость выкладки рисунка! Какие цвета плиток!* – это слова Мегисты. Тут наш Мирон и... подобрел! Сладкая лесть девиц подействовала. Цену сам же и снизил. А начинал-то как – нахраписто, как этрусский торговец! – прикрыв рот рукой другу, за Мирона отвечает Граник. – В итоге флейтистки плату очень обычную внесли, как за средненький дом в Ахрадине, серебром, но от дарованного бесплатного месяца наотрез отказались!

– *Мы честные! Мы не нуждаемся в дарах!* Ты представляешь? Да-да, так и сказали, я не шучу! Надули важно щёки. Подумать только, какие гордячки! – Мирон правой рукой заботливо собрал театральные маски у мастеров и Космы. – Ахах! Обыкновенные дары приняли за подозрительные подачки.

– Пойдём, довольно о делах. Нам надо готовиться к вечернему представлению! – Мирон насильно отрывает Гермократа от насиженного места на добротном ложе Космы. Троица шумно покидает задумчивых мастеров. Уже за воротами Граник негромко спрашивает у хозяина оружейной мастерской:

– А остальной театральный реквизит где возьмём?

– Моя очередь! – решительно заявляет Мирон. – У меня и возьмём реквизит. Уже не победнее вашего буду.

⁸ Андрон – мужская комната для пиров.

⁹ Филя всадников – партия землевладельцев-аристократов.

Глава 3. Флейтистки

*Ранний вечер того же дня. Остров Ортигия.
Аристократический квартал Сиракуз,
в квартале от храма Афины*

– Отказываюсь наряжаться! – Стоя у порога собственного вместительного дома, Гермokrat укладывает на груди руки крестом. – Видим непонятных пришлых дев первый день, и для чего, скажи, лучшие наряды? Да, может, они и на флейтах-то играть не умеют? Ещё какой-то непонятный коринфский говор у жительниц Милета.

– Тогда, может, и тот... штопаный коричневый плащ... *завсегда приносящий счастье*, возьмёшь с собой? – разочарованно спросил у жёлтой стены дома празднично одетый в лёгкие, яркие, дорогие одежды Граник.

– Не ради дев лучшие наряды! – Мирон, однако, не намеревался уступать другу. Ноздри известного в городе борца расширились, глаза прищурились, взгляд исподлобья непонятен.

– Да-а-а? Вот как? А для кого тогда, позвошь спросить? – Гермokrat склоняет голову, чтобы получше, снизу вверх разглядеть глаза серьёзно разозлившегося Мирона.

– *Для собственного удовольствия лучшие наряды*, представь себе. – Мирон выдал ответ очень злобно, сквозь зубы. Гермokrat же сжал нахохлившегося друга в тисках объятий.

– Только потому, что добряк Мирон так захотел! – Обида у Мирона напускная. Уломав друга, Мирон быстро остывает. Сдержанная улыбка примирительно украшает силача. – Зайдёте? – Гермokrat радушно раскрыл и вторую створку ворот. – Напою лучшим вином.

– Нет-нет! Не зайдём. Спасибо. Начнётся веселье, разговоры... К флейтам... и послезавтра не попадём. Твои хитрые силки уже не раз проходил. – Мирон принялся внимательно разглядывать безоблачное вечернее небо, одновременно кончиком правой сандалиии перетаскивая пыль улицы справа налево.

Гермokrat сдерживает данное другу обещание дважды. Появляется скоро, не заставив товарищей долго ждать, и переодевается так, как и обещал Мирону. Составленный наряд лучшего друга удивил и откровенно позабавил его ожидающих. Пред юношами предстал богатый путник из сословия всадников, что выступил в долгую дорогу. Гермokrat не только уважил просьбу друга, но и упрямо отстоял заявленное мнение. Тёмно-синий роскошный хитон из египетского хлопка, воинской длины, короткий до бёдер, при двух близнецах – бронзовых фибулах¹⁰ в виде голов львов. На голове широкополая дорожная шляпа того же цвета из овечьей шерсти. Довершает наряд длинный, чуть не до щиколоток, из грубой шерсти, изрядно поношенный дорожный плащ траурного чёрного цвета, с красными вышивками узора морских волн. На рыжем ремне-портуpee греет левое бедро серьёзный кинжал, размером чуть не с меч, в простых деревянных ножнах.

– Ты что, кого-то похоронил, странник Гермokrat? – процедил поражённый двойственным нарядом Мирон. Но Гермokrat на шутку не ответил. Раб-прислужник, крепкий юноша лет шестнадцати, по виду родом откуда-то из Этрурии, с кудрявой шевелюрой, широко распахнул ворота и вывел на улицу трёх собранных в путь разномастных породистых лошадей. На средней кремовой лошади объёмный груз, упакованный в выделанные кожи, видом схожий с сельским хозяйственным инвентарём.

– С лошадьми и к флейтисткам? Ты, брат, чудишь! – громко захлопал в ладоши Граник. – Но твой выбор не буду осуждать. Надеюсь, девушки оценят трёх холёных... *лошадей*.

¹⁰ Фибулы – застёжки на плечах.

– Ещё вино, мёд, душистые травы прихватил. – Гермократ указал на кремовую лошадь с двумя вместительными амфорами, в два локтя каждая, с обоих боков.

– На тебя невозможно держать обид! – Мирон снисходительно уложил тяжёлый локоть на плечо друга. – Но вот старый плащ – это ты всё-таки зря! Дырочки появятся вот-вот. Я бы его уже подарил... скажем, Косме.

Троица медленно зашагала к дому Мирона, сданному в аренду трём девам из Милета. За ними, чинно держа под уздцы звонко цокающих по камням мостовой лошадей, в ногу с хозяином следует удивительно надменный юный раб-прислужник, почему-то заботливо поглаживающий левой рукой дубинку, вложенную за верёвочный пояс.

Никогда ещё так Мирон не волновался, когда стучал кулаком в ворота собственного же дома. Его волнение было так очевидно, что друзья прикрывают рты ладонями, давясь от смеха. За воротами послышались шаги, ворота открылись – и... в проёме показалась «лишняя» кухарка Мирона. Разочарованию хозяина дома не было предела, как и не было предела веселью двух друзей. Гермократ сложился пополам, дорожная шляпа покинула трясущуюся голову, упав на порог. Но вот под раскаты отчаянного хохота засмущавшаяся кухарка растворила настежь ворота – Граник тут же замолчал, торопливо похлопал по спине агонизирующего в приступах смеха Гермократа. Юноша медленно выпрямился.

Прямо перед застывшими в изумлении тремя товарищами предстали три празднично одетые девы. Не опознать в благоухающих, накрашенных красавицах невыспавшихся страниц из далёкого Милета, что встречены ранним утром на невольничьем рынке. Волосы девушек уложены в сложные высокие причёски. Красный, тёмно-синий и пурпурный пеплосы создают три оттенка в пламени, что причудливо занялось в доме Мирона. Граник заботливо кончиками пальцев левой руки прикрывает рот Гермократа, который вот-вот посетят любопытные мухи. В руках девушек двойные авлосы.

И...

Авлосы без задержки приветствуют знатных гостей. Мелодия во вступлении медленно ручейком растекается через открытые ворота на простор широкой улицы, посещает восхищённых гостей, открывает ворота домов гаморов и улетает ветерком в прозрачное зимнее небо Сиракуз. Но темп песни авлосов постепенно убыстряется, словно ручеек обращается в горную речушку. Неожиданно авлос, тот, что поёт у Мегисты, нарушает гармонию мелодии, нагло вырывается из хора. Его песня пронзительно грустна, два других авлоса поддерживают его печаль, их пение становится на тон тише.

На улице Ортигии за спинами трёх товарищей творится столпотворение: гаморы-соседи, их домашние рабы, прохожие – жители Ахрадины, паломники из дорических городов Сицилии, мужчины, женщины, дети, числом уже не менее семи десятков, молча внимают грусти трёх авлосов. Пение авлосов, достигнув некой далёкой вершины плато Эпипол, становится всё тише и тише, пока и вовсе не переходит на слабо различимый шёпот.

Грохот аплодисментов от благодарных слушателей обрушивается со всех сторон ставшей очень тесной улицы на ворота дома Мирона. Хозяин дома резко вздрагивает, словно внезапно пробуждённый среди сна, краснеет до корней волос, смущённо оглядывается вокруг, поднимает правую руку, приветствуя соседей, знакомых и родственников. Граник наполняется искренней гордостью за Мирона, машет правой рукой филе всадников города. Только Гермократ отчего-то мрачен, играет языком за щеками, что-то рассеянно рассматривает в плитах внутреннего двора дома.

Три девушки, заслышав бурные рукоплескания, прекращают исполнение мелодии, выходят на переполненную улицу, приветствуют признательных слушателей. Паломники, что шли из храма Афины и направлялись к источнику Аретузы, просят их назвать имена, обещают призвать на праздники в сицилийские города, девушкам дотоле незнакомые: Камарина, Гибла

Герейская, Акры, Гела, Селинунт, Акрагант. Мегиста среди гула восторженной толпы останавливается напротив Гермократа, внимательно разглядывает его наряд, пытается безуспешно заглянуть в глаза, обходит вокруг аристократа, рассматривая детали потускневших от носки узоров плаща. Вновь оказавшись перед лицом владельца оружейных мастерских, в полной тишине приседает, поднимает с камней порога дома дорожную шляпу, бережно стряхивает с неё соринки и... нахлобучивает шляпу на свою сложного плетения праздничную причёску. Второй вал аплодисментов обрушивается на хозяина дома, флейтисток, раскрытые ворота. Более всех довольны знатные соседи Мирона, их настороженность от неизвестных им постояльцев сменяется на благожелательность. Гаморы представляются новым соседкам по именам.

В шуме нескончаемых благодарностей, имён-знакомств, обещаний заказов и даже оглашения их точных дат Гермократ находит в себе силы поднять голову, встречается взглядом с красавицей Мегистой, делает неуверенную попытку вернуть утраченную шляпу, но девушка перехватывает руку, улыбается и уводит за собой Гермократа, напоследок грациозно поклонившись почитателям. Ворота аристократического дома медленно закрываются, поглощая трёх друзей, под завистливые взгляды пестрой толпы.

– Давай улыбайся, я тебе говорю... – Мирон шепчет на ухо Гермократу, одновременно душа согнутой левой рукой. Неожиданно Мегиста хлопает в ладоши и танцевальным движением на носке одной ноги оборачивается к гостям. Красавица словно не замечает борцовский удушающий захват Мирона, нежным голосом громко проговаривает название песни:

– Песня про дружбу! – В восхищённые глаза Граника отлетает необходимое уточнение: – Песня весёлая. Увидела вас, и слова сложились сами!

Мирон разжимает захват, высоко подняв руки, аплодирует, за ним Граник, Гермократ же вытягивает шею, откашливается и массирует пальцами горло.

*Давным-давно три мальчика водили дружбу,
Давным-давно три мальчика удили рыбу вместе,
Давным-давно три мальчика гоняли колесницы на лугу,
За приз почётный – золотой венок от гордости сограждан!*

Мегиста поднимает руку, и авлосы сопровождают песню. Вот только их мелодия задумчиво-грустна. Друзья переглядываются меж собой. Как же чарует певческий голос!

*Если мы никогда не встретимся вновь,
Друг мой исчезнувший, знай, лучшие дружбы нет ничего!
Как бы нас с тобой далеко участь горькая ни развела,
Буду помнить всегда сладость дружбы с тобой!*

*Давным-давно три мальчика боролись в лужах на лугу!
Давным-давно три мальчика клялись на крови в вечной дружбе.
Давным-давно три мальчика ушли на страшную войну.
И никогда домой мальчишки не вернулись!*

*Если мы никогда не встретимся вновь,
Друг мой исчезнувший, знай, лучшие дружбы нет ничего!
Как бы нас с тобой далеко участь горькая ни развела,
Буду помнить всегда сладость дружбы с тобой!*

Мегиста замолкает. Первым аплодирует оживший Гермократ, он гордо поднял голову. Серьёзный Мирон потирает лоб, по виду осмысливая услышанное, Граник смотрит печально куда-то в сторону. Песня застала его, завсегдашнего весельчака, коварно врасплох. Певица обводит взглядом гостей, начав с Граника, встречается взглядом с Мироном, который тут же начинает совершенно неистово хлопать в ладоши, и очень медленно проворачивается на нос-

ках в сторону Гермократа. Гамор при её виде демонстративно учащает звонкие хлопки. Граник и Мирон оборачиваются к другу. Два друга настороженно всматриваются в непроницаемое лицо Гермократа. Льстивые хлопки прекращаются. Авлосы замолкают.

– Торговец, что нас с вами познакомил... – Тон у Гермократа нарочито суровый.

– Писандр, – деликатно вставляет Граник.

– Писандр. – Гермократ благодарно поднимает правую руку. Мегиста не мигая смотрит в глаза говорящего. – Сказал мне напоследок, что ему «приятно иметь дела с солидными людьми». Ну так вот... – Гермократ прикладывает правую руку к груди. – Мне приятно иметь дела с понимающими, умными и... – Глаза у Мирона и Граника удивлённо расширяются. – ...*талантливыми людьми*. Вами троими то есть. – В дополнение к сказанным словам Гермократ снимает дорожный плащ и роняет его на каменные плиты двора. Девушка тут же, танцуя и кружась, сравнивается с Гермократом. Пристально смотря ему в глаза, присаживается, поднимает одежду, медленно встаёт, встряхивает от пыли и накидывает на себя дорожный плащ. Шляпа получает дополнение.

– Мы не воровки, мы *флейтистки*! – совершенно серьёзным тоном, чётко проговаривая слова, Мегиста прикасается кончиками пальцев к груди Гермократа. – Мы не будем *воровать* вашу дружбу.

Гермократ сдержанно улыбается в ответ. Как же странно видеть собственные вещи на незнакомом тебе человеке! Сосед Мирон примирительно хлопает по плечу друга. Граник запоздало аплодирует. Встреча состоялась.

– У меня вино, и мёд, и травы... сейчас вернусь. – Вместе с Гермократом удаляется и Мирон.

За воротами перешёптывание. Мирон сжимает ладонями лицо друга.

– Да что с тобой сегодня? Может, не поедем вечером? – Мирон недовольно хмурится.

Гермократ обиженно молчит.

– Оставайся с девушками, я сам справлюсь. – Гермократ осторожно убирает со щёк руки Мирона. – Ты же напросился, мне не нужны помощники.

– А я не помощник, я твой лучший... – Но договорить Мирону не удаётся. Появляется гордячка Мегиста.

– Так, так, так! *Вино*? – ласково звучит в тишине девичий голос. – И мёд, и травы?

Мирон и Гермократ наперегонки снимают две амфоры, раб вежливо обеими руками протягивает Мегисте кувшин с мёдом и мешок пучков засушенных трав для вина.

Глава 4. Вечерняя дорога на Акры

– Гермократ, ты пьян. Не надо... прошу, друг... не надо... – Граник вкрадчивым шёпотом пытается остановить друга, встающего с совместного лежака. – Ты сейчас сорвёшься...

Мегиста взмахом обеих рук прерывает весёлую мелодию семиструнной кифары-форминги¹¹ в руках Неэры. Кифара-форминга из слоновой кости бережно укладывается на тряпичный чехол, что расстелен поверх камней двора. Гермократ, преодолев упорное сопротивление обхватов рук Граника, всё же покидает ложе. Юноша встаёт, одёргивает складки одежды, поправляет пояс, поднимает с ложа пустой кубок, опрокидывает и вытряхивает из него последние капли вина. Очистив кубок, юноша принимает торжественную позу.

– Когда ты... спела... пропела... исполнила песню про дружбу... – Язык подводит говорящего, слова следуют друг за другом сбивчиво. Три девушки внимательно слушают нетрезвые речи всадника Сиракуз. – Прости... за откровенность...

– О-о-о, Гермократ, не надо, прошу... – Граник предпринимает вторую попытку остановить друга. В этот раз его голос раздаётся громче. Гермократ резко оборачивается к другу, возлежащему на ложе. Звонко целует Граника в лоб, вкладывает в его протянутые руки на сохранение свой пустой кубок:

– Родной, товарищ мой! Ты пережил то же, что и я!

Гермократ выпрямляется, оборачивается к трём девушкам и, твёрдо глядя им в глаза, продолжает разорванную речь: – Так вот, когда...

– Я пропела песню про дружбу... – сидящая на раскладном кресле Мегиста с надменным видом подхватывает слова аристократа.

– Да! Я подумал... глядя на вас... слушая вас... Вы такие прекрасные... – Гермократ оборачивается к двум друзьям. Друзья смотрят в каменные плиты. Юноша, не найдя понимания в друзьях, возвращается к девушкам: – Искренность, дружба... – Речь, и без того туманная, сбивается, Гермократ открывает и закрывает рот, не порождая звуков. Язык, как видно, бесповоротно подводит юношу.

– *Возможна с приезжими флейтистками с Коринфа?* – с готовностью подхватывает Мегиста.

– У-уф! – выдыхает во всю мощь борцовского дыхания Мирон. По его лицу блуждает пьяная довольная улыбка.

– Нас изнасиловали в Милете, поэтому мы сбежали на Сицилию... – совсем неожиданно вступает в разговор Неэра. Граник громко, зло хлопает в ладоши. Приподнимается с ложа.

– А нас троих изорвали в детстве... во время бунта... в мелкие клочья изорвали... – Язык вовремя расплетается, и говорящий с запозданием завершает речь. Хлопки Граника сильно заглушают слова, но только не от присутствующих. Гермократ поднимает высоко правую руку. Граник рушится на ложе, лицом в овечьи шкуры. От столь неожиданного поворота в искусных музыкальных состязаниях устанавливается напряжённая тишина.

– Нет, не так, как вас в Милете... в тело... – глядя в пол, продолжает уже совсем не пьяным, трезвым и гордым в грусти голосом Гермократ. – Нас троих изнасиловали в душу... во время бунта худых!

Тишина нависает недобрым мрачным облаком. Облако сгущается до цвета свинца и... раздражается громом... рыданий. Рыдают сердито, во весь голос, трезвые девушки и пьяные мужчины.

¹¹ Кифара-форминга – музыкальный инструмент внешне похожий на лиру, но с крупным звуковым ящиком.

– Растоптали... наши души... – Под тихие слова Гермократа силач, борец, герой города Мирон сопит, отворачивается к стене дома и беззвучно содрогается телом. – Мне было пять... Гранику семь, а Мирону... Мирон, я люблю тебя, преданный друг, – шесть.

Рыдания усиливаются. Приглушённо рыдают три девичьих голоса и два мужских. Только один из присутствующих стойко сохраняет молчание и смотрит в сумрак вечернего неба. Слёзы часто катятся из глаз единственного молчуна. Мегиста встаёт, подходит к нетрезвому зачинателю рыданий, молча обнимает. Гермократ оборачивается к девушке, всматривается и поднимает глаза к холодному серебряному диску луны. Зимний вечер так резко свеж, воздух на Ортигии пронзительно чист. Холодный ветерок с моря уносит теплоту дня. Дождавшись разрыва в горестных рыданиях, Гермократ хлопает в ладоши:

– Нас ждёт дорога на Акрагант! Эта тварь не должна уйти!

О ком говорил в столь неуважительном тоне, для присутствующих не стало загадкой. Мирон, Граник сразу, как по звуку военной трубы, покинули ложа. Покинули кресла и две девушки.

– Лошадей, к сожалению, только три. Нас уже как шестеро. – Гермократ вопрошающе смотрит на авлос в руках Мегисты.

– Мой дом рядом, там две отличных лошади наготове, – тут же вставил поправку Граник.

– У меня дома «труп» и лук с сорока стрелами... – Гермократ упрямо гнёт свою линию. Мирон поднимает указательный палец правой руки к вечернему небу.

– Мы едем хоронить «труп» и... – Мирон не успевает закончить начатое.

– ...показать загородное поместье Гермократа! – вставляет Тимоклея. Хлопки от почти трезвых, слегка покачивающихся трёх друзей утверждают предложение Тимоклея.

На вечерней улице аристократического квартала Ортигии нежданно многолюдно. Добрые Сиракуз не постеснялись расставить у стен домов разностильные парадные стулья и раскладные походные кресла. Когда Гермократ распахивает ворота, он застаёт не менее ста гаморов в окружении домашних и рабов, рассматривающих вечерние звёзды с блаженными лицами.

– Хайре... – только и успевает проговорить ошеломлённый юноша. Гермократ узнаёт глав влиятельных семей филы всадников. – Вы что же, тут давно сидите? Извиняюсь за песнопения!

Извинения, однако, не требуются – пять десятков правых рук одобрительно поднимаются к небу.

– Продолжайте песнопения! – звучит чуть не приказом откуда-то с правого края улицы.

– Я первый по очерёдности нанимаю флейтисток на семейное торжество! – слева ему отвечают деловым тоном зрелого мужа.

– А я второй, как оговорено, на празднество! – Какое именно «празднество» потребовало спешного участия приезжих артистов, не уточняется.

Следом за другом в широком проёме ворот показываются протрезвевшие от удивления Мирон и Граник.

– Что это вы такие заплаканные? – сразу же отлетает от сидящих напротив ворот четверых очень солидных мужчин в домашних одеждах, что не помешало им, четверым, занять самые почётные места. Ответ на заданный вопрос озвучил один из них – крепкий широкоплечий муж лет сорока, видом схожий с военачальником на отдыхе.

– Тоже так хочу встрепенуться в чувствах! – «Военачальник» рукоплещет, приветствуя трёх девушек в дорожных плащах. – Я третий по очерёдности на музыку!

– Филадельфия, составляем списки очереди! Чей раб тут в письменах проворнее будет? – страстно выкрикивают далеко справа. – Чтобы без обид на глине твёрдый список!

– Гермократ, мы твоих породистых лошадей слегка подвинули в самое начало квартала. Изволь пройти за ними ногами. Лошади дожидаются тебя у моста на Ахрадину. Навоз за дорогами лошадьми тоже прибрали – в море плавает. Поди, и утонул уже! Если навоз тебе за надоб-

ностью – отгружу свой, – продолжает совет благодарных слушателей всё тот же властный «военачальник».

– Кабы знал, что скромное пение заинтересует вас, почтенные, не ставил бы лошадей... – Гермократ виновато прикладывает обе руки к груди.

– Куда направляетесь вшестером по ночи? – продолжает беседу тоном допроса с пристрастием его сосед, пониже ростом, лысоватый муж властного вида, лет тридцати пяти.

– Покупку мою хоронить на землях поместья, – грустным тоном держит ответ Гермократ. – В дар получил от торговца Писандра труп. Девам певчим покажу поместье, хочу заинтересовать их...

– ...остаться у нас в Сиракузах? – в догадку подхватывает «военачальник». Его вопрос сопровождает третья волна благодарных аплодисментов. Девушки смущённо кланяются, показывают слушателям чёрные кожаные чехлы с авлосами, ворота дома затворяются, и шестеро путников под завистливые взгляды спешат по длинной улице к лошадям.

Около полуночи. Дорога на Акры.

Где-то между Акрейским утёсом и Акрами

Ужасная картина открывается трём конным странникам, запозднившимся в ночи по дороге в город Акрагант. Едва миновав шумные, многолюдные богатые загородные поместья гаморов Сиракуз по берегам реки Анап, проехав через густые священные дубовые рощи Богов, свернув за высокие скалы, прилегающие к Акрейскому утёсу, путники обрывают спокойный дорожный разговор. Перед ними разворачивается картина безутешного горя. Нагой истерзанный мужчина лежит посреди дороги в луже крови, раскинув по сторонам руки. Две девушки над ним – коленопреклонённые, стенающие и заламывающие руки в неутешных страданиях. Луна полным диском заливает безучастным холодным светом знакомую дорогу. «О-ох!» – вырывается сочувственным стоном у путников. Что же произошло здесь, так рядом с городом?

Трое всадников спешно покидают коней. Сострадание овладевает путниками. Они втроём бегут со всех ног к девушкам, что оплакивают недавно почившую жертву насилия. Один из бегущих неловко запинаясь о придорожный камень, падает плашмя, встаёт, глухо бормочет проклятия темноте и бросается догонять двух попутчиков, что уже вопрошают горюющих девушек. Однако ему, полноватому мужу, торговцу в зрелых годах, не суждено познать причину скорби. Стрела вонзается в его шею, ломает позвонки, перебивает гортань. Со страшным хрипом умирающего муж рушится на колени. Раненый хватается обеими руками за древко и пытается извлечь наконечник стрелы. Его попутчики резко оборачиваются на неожиданные звуки смерти. То большая ошибка. Две девы, только что стенавшие над погибшим, замолкают, бесшумно поднимаются с колен за их беспечными спинами. В руках плакальщиц блестит боевая бронза. Путники оборачиваются и застают медленно поднимающегося из лужи крови «погибшего».

– А-а-а! Духи дороги! – успеваешь прокричать испуганным голосом один из путников, и на его безумный крик из-за тёмно-серых валунов объявляются ещё три тени. Плакальщицы пускают в ход бронзу. Удары сыплются так часто, что убиваемые даже не успевают прикрыть руками грудь, животы и лица. Осыпаемые градом ударов кинжалов, путники расстаются с жизнью так же, как и мигом ранее их попутчик. Неизвестно откуда возникшие две девичьи тени режут ему, вдали лежащему, пробитое стрелой горло. Остановка на живописной ночной дороге обратилась в коварную засаду непонятных духов.

– Мирон, Граник! – окровавленный нагой «убитый» подзывает тени у серых валунов. – Грузим трупы на коней! Навестим дальнее поместье?! Дадим театральное представление?

– Ты же театральные маски не взял? – спрашивает Мирон. Новый план не смущает борца.

- Взял! – Гермократ хлопает себя по бордово-красной груди.
- Сыграю на авлосе! – Мегиста последней присоединяется к трем друзьям. Трое друзей молча переглядываются между собой. Молчаливое совещание не остаётся незамеченным.
- Что-то не так сказала? – Мегиста гордо поднимает голову.
- Знаешь, искусная Мегиста... – неторопливо начинает Граник. – Перед тем как мы поедим с театром в дальнее поместье, надо бы клятву принести.
- Почему, когда вот сюда ехали, *клятвы* не требовалось? – строгим голосом отвечает Мегиста, наклоняет голову вбок и впивается взглядом в Гермократа. – А вот теперь, после *счетов*, клятва потребовалась?
- Песни будут долгие... – вставляет веское слово Мирон.
- Девы могут не выдержать... – соглашается с ним Граник. Мегиста упорно ожидает ответа именно от Гермократа. Гермократ, шумно выдохнув воздух, уточняет речи друзей:
- Принесём шестером клятвы верности богине Эрис. – Его уточнение вызывает недоуменные взгляды у трёх девушек, две из которых продолжают сжимать в руках окровавленные кинжалы.
- *Богине раздора?* Приносить клятвы верности? Здесь? На ночной дороге при полной луне? – Тимоклея изумлённо разводит в стороны красные от крови руки.
- *Богине борьбы!* – на решительный ответ Гермократа Мегиста согласно поднимает правую руку.
- Повторяйте за мной... – командует Мирон. Девушки более не спорят и принимают торжественный вид, подобающий для принесения клятв богам. – Клянусь хранить верность богине вечной борьбы Эрис!
- Три флейтистки громко проговаривают предложенные слова. Мирон замолкает.
- *И это вся клятва?* Как так? – разочарованно шепчет Неэра. – В клятве не будет требований хранить секреты?
- Неэра права... надо бы дополнить клятву, – Мирон обращается к друзьям.
- Клянёмся перед богиней Эрис надёжно хранить общие секреты! – хором проговаривают трое юношей.
- Клянёмся! – подхватывают девушки. Все шестеро оглядываются на две женские тени вдаль. Одна из них встаёт и поднимает высоко в правой руке отрезанную голову жертвы. Скифянка лёгким бегом сближается с Гермократом. На её лице, раскрашенном в частые красные полосы, светится сладкая улыбка. К ногам хозяина трофеем ложится отрезанная голова и туго набитая сума – простая, из чёрной кожи. Граник наклоняется, поднимает суму, встряхивает её на весу, в чреве сумы раздаётся глухой звон монет. Граник удивлённо поднимает брови, развязывает суму.
- Серебро. Не меньше, чем на два таланта потянет, а может, и поболее. – Граник обводит довольным взглядом присутствующих. – Разделим равными долями? На шестерых?
- На восьмерых... – поправляет друга Гермократ. Оборачивается к скифянке, прикладывает правую руку к её груди. – Ты знаешь, а у меня нет рабов. Мои рабы – не рабы, свободные. Ты и... – Гермократ отрывает руку и указывает на «труп», сидящий у обезглавленной жертвы засады. – ...«труп» свободны. Твоя и её доли...
- *Свободна?* Я? – Скифянка не верит услышанному. В её грубоватом, почти мужском голосе открыто звучит недоверие. В лице ожидание непонятной, злонамеренной жестокой шутки.
- Ты свободна, и она тоже. Доли как у всех получите от моего друга, как только вернёмся с ночных песнопений. – Гермократ касается правой рукой плеча недавнего приобретения на рынке. – Свободны обе, понимаешь меня? За будущие труды с моим табуном лошадей будете получать честное жалование, в половину от эллинского. Голову заберите – здесь не оставлять. Голова ещё пригодится. – Гермократ широко улыбается друзьям: – Уезжаем!

Флейтистки изумлены порядкам в хозяйствовании гамора Сиракуз.

– Теперь я спокоен за судьбу своих дорогих лошадей. Вы, двое освобождённых, прибегите тут. Заметаем следы.

Бывшая рабыня благодарно прикладывает правую руку к груди Гермократа и убегает с радостными новостями для подруги. Наскоро навьючив на коней трупы, туго перемотанные в тряпки, засыпав землёй лужи крови, восемь участников ночной засады скрытно отбывают прочь, в сторону славного города Акрагант. Часто прячась при любых подозрительных звуках в густых придорожных зарослях кустарника, колонна не встречает более никого на скорбном пути.

Глава 5. Ночные песнопения

*Дальняя граница владений города Акры,
далеко за полночь*

Глубокой ночью восемь путешественников достигли цели пути. В двух стадиях после заброшенного постоялого двора показался нужный дорожный камень с тремя глубокими линиями-насечками в белой краске. От просторной, на две телеги, пустынной дороги на Акрагант вправо, к невысоким холмам, поросшим молодыми деревьями, петляет расчищенная тропа. По её бокам, как видно недавно, заботливо порублены кусты колючек. Восемь теней остановились у камня.

– Я поеду первым, за мной скифянка. – Гермократ полушёпотом раздаёт указания. Скифянка поднимает высоко над головой лук. – Там три пса. – Три стрелы оказываются в левой руке лучницы. – У нас двенадцать слушателей. – В руках Мирона и Граника вращаются нагие ксифосы¹². На немой вопрос трёх флейтисток «А нам что делать?» Гермократ улыбается и, обращаясь к сообщнице-луне, хитро спрашивает:

– Немедленно требуются три авлоса. Духов дороги необходимо задобрить мелодией. Не знаете, где по ночи раздобыть авлосы, а?

Раздаются приглушённые девичьи смешки. С тем вопросом к луне всадники перестраиваются. На значительном отдалении от основной группы первыми, скрытно пригнувшись к шеям лошадей, отправляются Гермократ и скифянка, с луком на изготовке. Далее вторыми выдвигаются Мирон и Граник, уже не таясь, с ксифосами наготове. Три флейтистки следуют тенями сразу после двух бравых друзей. Замыкает сильно растянувшуюся колонну дева-«труп» с тремя лошадьми, навьюченными обезглавленными телами жертв засады.

Взобравшись на самую вершину холма, путешественники видят перед собой зажиточное поместье, хорошо освещённое луной. Одноэтажные жилые дома и примыкающие к ним хозяйственные постройки добротнo сложены ровной кладкой из сырого кирпича на прочных каменных основаниях. Строения образуют солидный правильный квадрат и заботливо укрыты черепичными крышами. На внешних стенах квадрата совсем нет окон. Только по обоим бокам ворот узкие смотровые бойницы. Из двух труб в небо поднимается тонкими струйками жиденький дымок. Рядом с богатой усадьбой убаюкивающе шумит небольшая речушка, по зимнему времени полная дождевой воды. За квадратом построек сложен из камней и жердей вместительный круглой формы загон для скота, полный пятнистых коз, лошадей, ослов. За загонem привольно раскинулся огромный сад плодоносящих оливковых деревьев.

В ворота спящего поместья настойчиво стучат. Тот стук смыслом непонятен. Двухстворчатые ворота настежь открыты. Засов ворот отброшен за порог. Восемь человек, укутанных в дорожные плащи, из них трое в масках, а пятеро плотно замотанных с головами в рубища с узкой щелью для глаз, расположились во внутреннем дворе поместья. После продолжительного стука, который под конец стал громоподобным боем по рассохшемуся дереву ворот, в двух жилых домах наконец открываются двери. К ним тут же решительно направляются трое мужчин в масках и четыре девы в повязках на лице.

Недоумевающих хозяев застали явно врасплох – без сопротивления, во внутреннем дворе оказываются полураздетыми десять человек: две женщины, трое детей и пятеро мужчин. Их ставят на колени и связывают. Во ртах хозяев кляпы. Вязать хозяев услужливо, очевидно

¹² Ксифос – обоюдоострый короткий греческий меч.

из добрых побуждений, помогают три раба, мужчины, по виду из местных племён сикулов¹³. Один из них, низкого роста, плотного сложения, бритый наголо, проявляет рвение перед незнакомцами, выдаёт хозяев. Раб, превосходно понимая происходящее, без жалости вытаскивает за волосы из ряда связанных мужчину и женщину. Называет их имена. Назвав имена, плюёт с ненавистью в лицо хозяевам.

– Богиня Эрис, тебе посвящаем песнопения. Прими нашу скромную работу в твою честь.
Никандр... – Чёрная маска печального образа обращается к хозяину поместья. Связанный, стоя на коленях, часто трясётся не то от страха, не то от ночной прохлады. – Ты участвовал в бунте худых в Сиракузах под предводительством Тиндариды?

Мужчина в ответ отрицательно качает головой. Но вот женщина, его жена, роняет голову и заливается слезами. Вопрошающий достаёт из-за плаща отрубленную голову, подходит к хозяину поместья и выставляет останки лицом к связанному.

– Может быть, ты знал его при жизни? – Вновь хозяин поместья мотает из стороны в сторону головой. – Странно, вы же друзья?

– Никандр... – в разговор вступает тёмно-коричневая маска радости, надетая на голову могучего сложением мужа. – Тут есть только два пути. Путь скорой смерти и долгий путь мучений. Выбирай! – Маска замолкает, но хозяин поместья упрямо мотает головой. Приходит очередь белой женской маске говорить.

– Почтенный сикул, подай мне вон ту жердь... – мужчина в белой маске командует властным голосом.

Раб с готовностью приносит жердь. Белая маска сжимает жердь так, словно проводит замеры, отдаёт бережно назад рабу жердь, указывает на другую, соседнюю и потоньше. Вторая жердь точно подходит под замеры. Неожиданно белая маска ломает жердь об колено. Раздаётся громкий сухой треск. Треск такой оглушающий в покойной ночной тишине, словно треснула не обычная, затёртая по бытованию серо-белая жердь, а рухнуло огромное дерево, срубленное безжалостно топорами. Белая маска решительно направляется к женщине, поднимает её, заплаканную, за густые каштановые волосы, оттаскивает на шесть шагов от мужа, валит спиной на землю, лицом к луне, встаёт одной ногой на несчастную.

– Никандр, сейчас ты услышишь песнопения в честь богини Эрис. Но перед представлением я покажу тебе, что испытал лично я во время того кровавого бунта, в котором ты участвовал... – Белая маска вновь упрямо получает отрицательный ответ от связанного. – Так вот, мне было восемь лет, Никандр. Я стоял, как ты сейчас стоишь, на коленях, а мой домашний раб перемазал мне лицо золой и выдал меня за раба. Тем самым он, великодушный, хвала ему, люблю его, спас меня от смерти! А твоя жена, – жердь утыкается в грудь плачущей женщины, – лежит как моя мать тогда, посреди моего родного дома. Начнём песнопения?

Хозяин поместья вздрагивает, принимается мотать головой утвердительно, сверху вниз. От перемены ответов мужчина в белой маске замирает, сильно напрягается, однако быстро приходит в себя.

– Дорогой сикул, вытащи кляп! – командует чёрная маска печали. Кляп покидает рот хозяина поместья.

– Прошу, умоляю, не надо! – хозяин поместья тараторит в сторону белой маски. – Я заплачу за скорую смерть!

– Так, значит, ты, Никандр, знаешь, что я хотел сотворить с твоей женой? – Белая маска произносит вопрос с очень странной интонацией в голосе.

– Участвовал... я в бунте... Тиндариды. Прошу, убейте скорой смертью. Но я не подвергал мучениям несчастных! – вымаливает виновато хозяин. – Клянусь вам! Я сражался только с мужами!

¹³ Сикулы – племена Сицилии.

– Где выкуп? – радостная маска проговаривает вопрос, как и положено маске, подчёркнуто весело.

– В тайнике... – сдавленным голосом хрипит хозяин поместья. Белая маска подзывает к себе деву с луком.

– Присмотри за женщиной. – Помахивая переломленной жердью, белая маска удаляется вместе с хозяином. Едва хозяин исчезает за дверью, сикул-раб подходит к чёрной маске и что-то шепчет на ухо. Чёрная маска часто кивает. Затем чёрная маска что-то так же скрытно проговаривает маске радости, и маска радости отбывает с помощником-сикулом куда-то прочь из поместья, предварительно прихватив с собой лопату и тяжёлую каменную кирку.

Три девушки безмолвно развязывают дорожные мешки и вынимают из них прекрасные двойные авлосы. Но как играть на авлосах, если твоё лицо закрывают непонятные тряпки? Не снимая тряпок, девушки помогают друг другу раскрыть нос и губы. Среди приготовлений к исполнению музыки неожиданно чёрная маска срывается с места, проделывает два размашистых прыжка и пускает в ход наотмашь железный ксифос. Меч, прошипев в воздухе, обрушивается на жертву и разрубает голову подростка, что тайно развязал за спиной узел. Не успев даже прокричать предсмертный стон, разрубленный падает ниц лицом, заливая содержимым головы утрамбованную землю поместья. Лук в руках стражницы жены владельца плантации принимает стрелу и угрожающе нацеливается на ряд связанных. Более никто не предпринимает попыток вырваться из верёвок. Горячая кровь капает с острого кончика меча на одежды связанных, пока его владелец туго стягивает узлы на руках.

Появляются двое в дверном проёме: хозяин и белая маска позади него. Завидев разрубленный труп в луже крови, хозяин с дикими воплями бросается к убиенному. В трёх шагах от трупа бегущий ловит удар кулаком под дых от чёрной маски и валится кубарем в лужу крови. Белая маска несёт в левой руке два тяжёлых мешка из воловьей кожи. Правая рука сокрыта за спиной.

– Что с тобой? Эта тварь ранила тебя в спину? – Тревожный вопрос от чёрной маски разом обращает внимание на белую маску всех присутствующих.

– Нет-нет. За спиной дар бесценный от... – Белая маска замолкает – видимо, подбирая подходящее слово для лежащего в лужи крови, скорчившегося от боли хозяина поместья. – Участника бунта худых.

Мешки со звоном металла внутри сбрасываются небрежно наземь. Белая маска медленно вытягивает правую руку из-за спины, прикладывает сначала правую руку с непонятным предметом к груди, затем высоко поднимает над головой. При холодном свете луны непонятный предмет оказывается золотым венком. Тонкие листики, кажется, колыхнутся под ночным свежим ветерком с моря. В этот самый момент появляется маска радости и сикул. В руках маски радости вместительный сундук из дерева, обитого бронзой, сикул же возвращает домой грязный хозяйский инструмент.

– Такие венки выдавали героям битвы с Карфагеном при Гимере! Ты не мог сражаться при Гимере. – Белая маска выкрикивает слова торжественным тоном, громко, глядя в лик серебряной луны. Шумно, с печалью выдыхает и продолжает гневным тоном под спокойную песню трёх авлосов:

– И ты, кровожадный зверь, прихватил у убитых потомков героя награду? Разве ты заслужил воинских почестей великого города? Что же ты, тварь, содейл в жизни достойного золотого венка? – Белая маска, держа почтительно в обеих руках золотой венок города Сиракуз, подходит к сикулу, вглядывается в его глаза, сильно стискивает добровольного помощника в объятиях. Непонятные объятия разжимаются. Белая маска похлопывает новоявленного приятеля по плечу.

– Хочу попросить тебя, друг сикул, о серьёзной помощи в наших ночных театральных постановках. Понимаю, тебе, мой сикул, будет очень... очень... мерзко! Ужасно мерзко. –

Белая маска крепко сжимает друга за плечо, но смотрит на поверженную женщину. – Нам надо выпустить боль! Тебе тоже надо выпустить боль! – Сикул неожиданно резко отвечает на объятия странного страшного друга. Так же крепко сжимает обеими руками за шею мужчину в белой маске.

– Итак, мне было пять лет, а на моих глазах... – Белая маска замолкает, опускает голову, всматривается в золотой венок. – На моих детских глазах отец сражался за семью. Он пал смелым мужем, убив шестерых. Но вас, бунтовщиков, было так много! Итак, мне было пять детских лет, когда на моих взрослых глазах... мою мать трижды изнасиловали, пытали в жутких муках и убили! Убили любимую мать... со смехом!

Мой спаситель, мой раб чуть не каждое утро подолгу каялся мне в том, что не умер в тот злопамятный день, спасая мою семью. Он, душевный человек, обнимал меня и каялся... он, достойный, умер у меня на руках свободным. – Белая маска, мрачно проговорив, всматривается в лицо раба – из его глаз катятся слёзы сочувствия.

– Ты выполнишь мою просьбу, друг сикул? Пытать и убивать буду я...

Сикул снимает свои одежды, оглядывается на товарищей-рабов, те послушно следуют его примеру. На спине добровольного помощника давние рубцы от плётки. Авлосы продолжают спокойную мелодию, поразительно схожую с успокаивающим напевом сонной речки.

– Если не сможешь... возьми ту жердь... которую переломил. Где она, не вижу?

Один из сикулов поспешно отправляется в дом за утраченной жердью. Дева с луком поднимает за волосы жену хозяина, сдёргивает с неё домашние одежды. Одежда рвётся на мелкие лоскуты. Чёрная маска вытаскивает из лужи крови за шиворот ночного платья хозяина поместья; подтаскивает на место, указанное белой маской; приподнимает за подбородок лицо мужа женщины и открывает ладонью плотно закрытые глаза. Белая маска зло поёт во весь певческий голос в звёздной ночи:

*Мы снова к вам вернёмся!
Разверзнется Аид – к живым
Откроется для призраков дорога!*

*Истерзанные души в ночи
Убийцам подлым пропоют
Кошмар жестоких пыток!*

*Познайте на себе, что испытали мы!
Обряды мести да свершатся!
Примите боль, что заслужили вы!*

Замолкает. Оглядывается, и хором три маски поют совсем иную песню из театральных трагедий:

*И раны можно залечить, и одноногий захромает,
Снадобья верные с заклятиями отыщутся у лекарей.
Но тот, кто пал, лишившись головы,
Но тот, кто умер в муках пыток, уже не встанет, нет.
Им не помогут наши слёзы!
Лишь дым от жертв – лекарство подходящее для них!
Тела растерзанные холодны, глаза открытые не видят нас,
Погибшие ушли. Их путь далёк, в Аид ведут те тропы...*

Рабы-сикулы со злыми лицами принимаются выполнять просьбу гостя. Они поочередно насилюют жертву. Женщина стонет, рыдает. Третий раб, сжав до скрипа зубы, пускает в ход жестокую жердь. Песня повторяется раз за разом, не меняясь в исполнении. Маска веселья

прикладывает правую руку к груди поющего, подходит к окровавленному телу женщины. Белая маска меняет песню:

*О, что же нам осталось делать? Всем тем, кто тут стелет в горе?
Скорбеть о павших? Вспоминать их лица, их голоса?
Их смех разбудит нас среди ночи, их запахи лишат нас сна!
Как нам, живым, снести печальные утраты?
О боги всемогущие, над нами сжальтесь – утихомирьте горе!
О боги милосердные, явите милость – дайте сил нам дальше жить!*

Весёлая маска поднимает жертву, всматривается в глаза, резким ударом ксифоса вспарывает живот, ловит кишки и наматывает их, трепещущие, на шею убиваемой. Жуткий крик вырывается у жены владельца поместья. Авлосы поднимают до предела громкость исполняемой мелодии спокойной реки. Жертва с кишками на шее рушится на землю. Её сотрясает агония. Весёлая маска ударом в шею остриём меча прерывает ужасные мучения, склоняется ко рту женщины и словно выпивает последний выдох убитой.

– Как видишь, мы выполняем обещание – смерть скорая... – Белая маска смотрит на рабов и указывает левой рукой на каменную кирку и лопату. Дальнейших указаний не требуется, рабы с готовностью вооружаются инвентарём. Встают за спинами пленных хозяев. Их лица полны мрачной радостью, сбывающихся тайных сокровенных грёз.

– Подождите, дорогие друзья! – Белая маска медленно подплывает к одной из дев с авлосом, бережно отнимает авлос от губ. Осторожно меняет авлос на ксифос, авлосом указывает на горько рыдающего во весь голос хозяина имения. – Прошу... дева, выпусти боль!

Девушка пытается поцеловать белую маску, но, увы, грубая кожа маски не подпускает к губам. Ксифос твёрдо сжимается обеими руками владелицы прекрасного авлоса. Исполнительница мелодии решительно шагает к жертве. Жертву поднимают с колен. Дева срывает остатки окровавленной одежды, наматывает лоскуты на левую руку. Ей, перемотанной, хватает крепко и отрезает достоинство хозяина имения. Подержав в руке, как добытый трофей, засовывает останки плоти в рот пленника и крепко зажимает его челюсти.

– Вы свободны! Богиня соревнований Эрис дарует вам свободу! Сикулы, вы можете покинуть тюрьму! – торжествующе выкрикивает криво улыбающимся сикулам белая маска.

Рабы тут же пускают в ход тяжёлый домашний инструмент – на головы жертв сыплются удары устрашающей силы – до тех пор, пока от голов ничего не остаётся. Дева ксифосом пробивает насквозь грудь хозяина усадьбы. Труп падает камнем на окровавленную землю.

– Что будем делать с золотым венком? – маска веселья спокойно спрашивает белую маску.

– Спрячем в тайник дома, там, где он и хранился. – Белая маска передаёт золотой венок маске веселья и указывает на открытую дверь дома. Тут же оборачивается к бывшим рабам: – Почтенные сикулы, прошу вас, как только мы покинем это печальное место, а вы отправитесь...

Но договорить просьбу белой маске не удаётся – бывшие рабы прерывают его бурными выкриками:

- Сжечь дом!
- Трупы порубим на части и раскидаем по двору!
- Сердца заберём с собой!
- Птиц досыта человечинной покормим!

Двойные авлосы прекращают пение. Их, уставших, бережно прячут в пыльные дорожные мешки. Тени гостей скоро покидают поместье. Три лошади остаются в дар бывшим рабам. Ночное представление с песнопениями закончено.

Глава 6. Дорога на Катанию туда и обратно

– Фукл, принимай моих приятелей! – Гермократ, спешившись, издали в приветствии машет рукой спешащему ему навстречу высокому, суховатого сложения мужчине лет тридцати двух-трёх.

– Хайре, хозяин! – для Гермократа не улыбочивый, грубоватый в обхождении Фукл нашёл сдержанную, но душевную улыбку. Строгого видом Фукла, метека¹⁴, выходца из дорического города Гелы, что за Камариной и перед Акрагантом, управляющего поместьем Гермократа, очень хорошо знают Мирон и Граник. Оба гамора с радостью обмениваются с серьёзным бородачом объятиями дружеского свойства. Фукл настороженно, искоса и крайне неодобрительно посматривает в сторону ему незнакомых: трёх усталых флейтисток и двух странного вида вооружённых луками всадниц, что не спешат покинуть знакомые Фуклу попоны лошадей хозяйина. Управляющий, как кажется со стороны, теряется в смутных догадках о характере отношений с хозяином прочих утренних гостей женского пола.

– Фукл, познакомься – Мегиста, Неэра, Тимокля! Флейтистки погостят у меня до возвращения из Катании. Позаботься о девушках, как позаботился бы обо мне.

– Да это же *скифянки*! А с ними что прикажешь делать, хозяин? *Покупки? Рабыни* – и при оружии? – Фукл нахмурил лоб, наконец-то в предрассветной мгле определив возраст и племенную принадлежность вооружённых всадниц. Гермократ посмотрел на скифянок, те принимают его взгляд как приказ – покидают спины лошадей.

– Одну оставлю тебе на излечение от голода. Ту, что покрепче, возьму с собой перегонять купленный табун. – Гермократ, подражая своему управляющему, нахмурил лоб. – Надо бы дать им эллинские имена, мой Фукл. Какие думаешь?

– *Сикания*, например... – Граник предложил Гермократу прежнее название Сицилии.

– Великолепно, Сиканией станешь ты, крепко стоящая на ногах скифянка. А какое имя для выздоравливающей девы в татуировках? – Гермократ вопросительно посмотрел на друзей, потом на Фукла. Управляющий поместьем деликатно помалкивает, ему откровенно не нравятся все девушки.

– *Сибарис*! – Мирон хвастливо хлопает самого себя по могучей груди.

– Рекой сицилийской назовём? Ну что ж, отличное предложение! Тогда и не пересохнет в моё отсутствие. – Гермократ радостно обращается к скифянкам: – Девы, мы дали вам очень почётные имена! Прежние имена оставьте тайной для будущих друзей. В Элладе вы теперь – остров и река! – Скифянки поднимают правые руки, соглашаясь на переименования с Гермократом. – Фукл, я купил их на рынке вчера, но теперь они...

– Свободные работники? *Проверенные работники*? – участливо поддерживает Фукл и почему-то подмигивает тайно Мирону и Гранику, всё так же в своей привычной суровой серьёзности.

– Именно так, мой Фукл. Жалованье им назначено в половину от эллинского. Хорошая сделка, согласись? Искали же с тобой радетельных пастухов задёшево... – продолжает Гермократ.

– Они – хилые *пастушки*, мой драгоценный хозяин... а был разговор про здоровых *пастухов*! – резко и заметно недовольно вставляет Фукл, как всегда остающийся при своём упрямом мнении. И тут же управляющий осуждающе впивается немигающим взглядом в едва стоящую на ногах Сибарис. Всем своим видом Фукл выражает сомнения относительно качества приобретения.

¹⁴ Метек – поселенец-грек без гражданства города.

– О нет, мой Фукл! Это надёжные пастухи! Своё не отдадут – чужое заберут! Оружие тоже их, в дар для работы от меня.

После того как Сикания на ухо растолковала смысл сказанного своей подруге, Сикания и Сибарис прикладывают правые руки к груди в знак благодарности.

– Гермократ, ты хозяин, и тебе, конечно же, виднее... – Фукл с шумом выдохнул очередное недовольное суждение. – Эх! Зазря деньги немалые потрачены! – Сказано суждение, однако негромко, как бы для себя самого. Так же шёпотом для самого себя следует пояснение: – Впервой от хозяина такой убыток. Надо было мне на рынок...

Смех трёх друзей оборвал горько сожалеющего об убытках Фукла, оставив недосказанным, что «могло бы произойти на рынке при правильном подходе к хозяйству». Гермократ улыбается, берёт под уздцы двух свежих лошадей и направляется к воротам поместья. Краем глаза он замечает, как дорогой железный ксифос Мирона заботливым жестом отправляется к Сикании и тут же исчезает под её новым дорожным плащом, найденным где-то в щедрых полях полиса Акраганта.

По странным, давно заведённым привычкам Гермократ никогда не прощался перед дальней дорогой. Вот и теперь аристократ Сиракуз попросту исчез, нагло показав спину, даже не кивнув головой. Гамор, богатый владелец поместья и мастерских, как с ровней, на одной линии проследовал через ворота поместья с новым компаньоном из Скифии. Такое поведение вызвало удивление, даже бурное негодование в молчаливых жестах у Мегисты. Мегиста поднимает в стороны руки. Прикусывает до крови губы. Она выглядит как ребенок, у которого только что забрали игрушку. Граник спешит с пояснениями:

– Наш друг, пойми, крайне суеверен. Не прощаться – стародавняя привычка у многих тут, на Сицилии, согласен, смешного свойства. Однажды...

Но договорить Граник не успел. Мирон, тоже участник давних событий, резко махнул рукой и чуть не прокричал:

– Нет-нет! Я расскажу ту загадочную историю! Пойдёмте омоем ноги с дороги. За едой вы посмеётесь, как ещё никогда не смеялись. Фукл, не прячь от нас хорошее вино! – Интригующе поиграв бровями, Граник передал право рассказа другу. Мирон же хитро подмигнул трём девушкам. Обида за неучтивость Гермократа быстро исчезает. Рассвет окончательно выкрашивает яркими красками хлебные поля, оливковые роци и обширные виноградники поместья Гермократа. Фукл, ещё раз тяжело вздохнув при виде севшей на землю обессиленной Сибарис, с причитаниями: «Больше одного хозяина на рынок не отпущу за покупками» – ведёт почётных гостей дома к подогреваемой ванной для омовения, что за кухней в главном доме усадьбы. Управляющий по пути щедро раздаёт поручения, наставления многочисленным работникам и, конечно же, отвешивает сочные тумачи со звонкими подзатыльниками для «сонных ленивцев, что и на обеде, и на ужине спят».

Полдень того же дня. Дорога на Катанию

– Свободная? Доля от добычи тоже моя? – Гермократ уже в пятый раз, не теряя терпения, отвечает на одни и те же вопросы Сикании. Девушка подолгу, пристально и недоверчиво смотрит в глаза бывшему владельцу и новому хозяину. Наконец самый важный вопрос срывается с губ: – Могу я уплыть домой в Скифию?

– Можешь уплыть. – Гермократ, покачиваясь на богатой попоне, принимается насвистывать мелодию насмешливой песенки. Её простой мотив словно бы кувыркается мячиком в детской игре.

– Не доплыву? – Девушка отличается редкой сообразительностью. Правая рука Гермократа поднимается к полуденному солнцу. – Пираты в бухтах поджидают? Снова продадут меня в рабство?

Ироничная мелодия знатного гамора Сиракуз не прерывается, насвистывание дополняется словами:

*Куда хочу, могу идти,
Куда хочу, могу бежать,
Мой остров – дом мой,
Но вот беда...*

Левая рука юноши указывает на запад, потом на юг.

*Там кровожадный Карфаген
Клыки вот-вот покажет...*

Левая рука уходит на северо-запад.

*А там бедовые сикюлы!
За ними дикие сиканы и карфагенские элимы.
Готовы вновь восстать...*

Потом рука описывает огромный круг перед лицом.

*А эллины грызутся меж собой!
Дорийцы исстари против Халдеи и ахейцев!
Эх, некуда бежать и некуда идти,
Останусь дома лучше я...*

Слёзы показываются на суровом и очень красивом лице скифской девушки. Ветер озорно треплет длинные светло-соломенные волосы. Впервые за все бурные события двух бесконечных дней и ночи скифянка плачет. Гермократ не замечает печали попутчицы и продолжает насвистывание песенки. Сикания отворачивает голову направо, среди деревьев мелькает тёмно-синее море. Двое жителей славного города Сиракуз въезжают в священный лес, посвящённый богу Аполлону, покровителю колоний Коринфа. Редкие деревья, дубы, сосны в разрозненных группах среди колючего кустарника постепенно сходятся в пролесок, пролесок переходит в густой лес. Одна беззаботная мелодия в негромких насвистываниях сменяется другой. Слёзы девы прекращаются, но грустное настроение никак не уходит и под артистичное насвистывание юноши.

Неожиданно дорога упирается в огромный песочного цвета камень, что подпирает склон скалистого холма, далее колея резко уходит вправо и куда-то вверх, теряясь среди раскидистых дубов. У камня, покрытого непонятными значками сикюлов, сидит усталый путник, его крашенный в чёрное посох приставлен к камню, голые ступни греются на солнце, рядом лежат сапожки. Да вот только лица отдыхающего путника за полями шерстяной шляпы не видно, и руки скрыты в дорожном плаще. Насвистывание всадника прекращается. За десять шагов до путника Гермократ первым в традиции путешествующих выкрикивает:

– Хайре, незнакомец! И да позаботятся о тебе милостивые боги!

В ответ босоногий путник едва поднимает устало голову, так что тень от шляпы скрывает лицо, на солнце оказывается только стриженная коротко чёрная бородка. Ответного приветствия не произносится. Из-под плаща незнакомца показывается правая рука с дудочкой. Сравнявшись с неучтивым незнакомцем, Гермократ просто из-за любопытства заглядывает в лицо сидящего у камня. И замирает, словно приворожённый. Такого странного лица аристократ ещё не встречал. В загорелом лице эллина непостижимым образом сошлось несоединимое в эмоциях: фальшивая улыбка чуть не до ушей, что открыла рот с часто утерянными зубами, складки, что разбежались кругами вокруг бесчувственной улыбки, колючие карие глаза в паутинках хитрых морщин, что смеривают Гермократа немигающим взглядом. Вот именно во взгляде незнакомца и произошла очевидная сшибка эмоций в лице. Взгляд

у вовсе не усталого путника наглый, враждебный и откровенно злой, в товарищество с улыбкой, пусть даже и фальшивой, никак не вяжется. В этот момент рядового, ни к чему не обязывающего дорожного знакомства юноша-гамор видит перед собой призрака – тень из Аида. Гермократ вздрагивает, поёживается и прищуривает глаза. Миг непродолжительной встречи у камня сикулов растягивается как горький тёмный мёд.

Повернув направо от камня, углубившись в лес и уже поднимаясь вверх по склону, юноша вдруг слышит в спину мелодию дудочки. Сбивчивая, неладная и грубо составленная из простых звуков мелодия призывно раздаётся именно с того самого места, где только что повстречался неучтивый незнакомец. Гермократ сжимает зубы, обменивается быстрым взглядом с Сиканией.

Оба попутчика без слов покидают попоны, взяв под уздцы лошадей, бегом устремляются в густой лес. В правой руке Гермократа, покинув ножны, объявляется нагой ксифос. Лук скифянки пополнился лёгкой бронзовой стрелой на тростниковом древке, в зубах зажались ещё три родных сестры-кровопийцы, открылся и короб с запасом стрел. Оставив у гостеприимных деревьев неподвязанными лошадей, Гермократ и Сикания скрытно, сильно пригнувшись и осторожно ступая среди острых камней по пологому лесу, взбираются на крутой склон холма. На вершине холма, стоя невидимыми среди добродушно шумящих листвой дубов, они понижают, для кого предназначена песня неумелой дудочки.

Четверо мужчин, от пятнадцати до сорока лет, возможно близкие родственники, спрятались за придорожными камнями. Их голые, загорелые дочерна спины с мозолями подённых-грузчиков обращены к Гермократу и Сикании. В руках засадчиков дубинки с бронзовыми шипами. Гермократ по-командирски смотрит в глаза девушки. Нет страха в красивых голубых глазах. Дева согласно кивает и охотно принимается за бранное дело. Не трясутся руки у попутчицы. Лук покинула стрела, за ней вторая просвистела песню смерти, потом третья, четвёртая, пятая и, наконец, финальная, шестая. Пуски стрел произошли так быстро, что Гермократ, стоявший рядом со скифской лучницей, едва успевал оценивать результат работы тетивы собственной мастерской. Вот уже четыре лесных разбойника корчатся в агонии у камней, выпустив из рук дубины, так и не поняв, откуда их настигла смерть. Стрелы большей частью пришились по левым бокам, там, где сердце, но кому-то пришлось и в шею. Самому же старшему досталось в глаз, именно он, седой, громче всех вопит от боли, во весь голос, закрыв окровавленное лицо руками.

Двое нападающих, вновь прячась среди вековых деревьев, приближаются к дороге. Но оба, Гермократ и Сикания, смотрят не на умирающих, их глаза обращены к поднимающейся в петлях дороге. Почти у самых камней засады Гермократ замечает бегущего вверх по склону незнакомца, только теперь у него в руке блестит золотом тяжёлый бронзовый кинжал, а не дудочка. Гермократ молча указывает Сикании на свою левую ногу. Неучливый незнакомец спешит навстречу стреле, что с радостью впивается ему в левую ногу, на ладонь выше колена. Бегущий тут же рушится на левое колено. Пытается выдернуть стрелу. Вторая стрела, впившись в правое бедро, окончательно подкашивает исполнителя неуклюжих мелодий на дудочке. Громкое истошное «А-а-а!» оглашает священный лес. Третья, уже совсем лишняя, стрела жестоко пробивает левый бок.

Позади Гермократа раздаётся недовольное конское похрапывание. Оба победителя разбойничьей засады оглядываются и замечают позади себя третьего участника нападения – гнедого любимого жеребца Гермократа. Громкий смех приветствует преданного, сообразительного четвероногого друга, что надумал разузнать, куда это его любимый хозяин пошёл прогуляться. На смех раздаётся уже веселое похрапывание. Гермократ обнимает за шею гнедого.

– Обожаю тебя, красавчик Алкид! Ты достоин моего лучшего зерна. – Теперь трое счастливых выходят, уже не таясь, на дорогу. Деревья-великаны безучастно взирают на окровавленных умирающих. Дарёный ксифос Мирона в твёрдых руках Сикании добывает раненых раз-

бойников. Дева бережно вытаскивает из ран стрелы, тщательно вытирает наконечники о тела погибших.

– Хвала богам, мы живы! Дорогая Сикания, меня посетила хитрая идея. Давай-ка повернём назад в Сиракузы. Собери лошадей, закинем трупы на них и отвезём архонтам полиса.

Девушка прячет очищенный от крови ксифос в ножны.

– Кто такие *архонты*, ты хочешь спросить, Сикания? Это, моя храбрая дева, главные выборные мудрецы Сиракуз. При полной власти суда мирного времени. – Гермократ уточняет на немой вопрос попутчицы. – Все из филы всадников. Так повелось в Сиракузах.

– Что с тем будем делать? – Сикания указывает левой рукой в сторону частых громких стенаний, ругани и тяжких проклятий в адрес прародителей «подлых убийц».

– Свяжем. Живым отвезём. – Гермократ встречает хмурый взгляд девушки. – Что-то не так, моя лучница Сикания?

– Помрёт от потери крови, до полиса не дотянет. – Девушка, не дожидаясь повторных указаний, деловито отправляется на поиск лошадей. На бегу, развернувшись в высоком танцевальном прыжке, радостно выкрикивает юноше: – Я остаюсь с тобой, мой эллин!

Сравнявшись с вопящим от боли единственным оставшимся в живых засадчиком, скифянка резко выбивает ногой из его руки кинжал, выдёргивает три стрелы. А потом навешивает в лицо удар кулаком такой серьёзной силы, что вопящий скатывается кубарем в обочину и затихает. Девушка поднимает кинжал, отряхивает бронзу от пыли, оборачивается к Гермократу и поднимает над головой оружие раненого.

– Алкид, только между нами, по секрету. А я её зауважал. Хорошая же лучница, да? Я бы так не смог с луком управиться, честно говорю. Однако какая меткость, Алкид!

Преданный конь не отвечает, его, жующего, куда больше интересует сочная зелень у дороги, чем ратные откровения хозяина.

– Красивая, да? Глаза скифянки как море. Я знаю, ты тоже по-мужски оценил!

Глава 7. Дознание

Ранний вечер того же дня. Сиракузы. Агора Ахрадины

Два должностных лица, архонты, в официально длинных белых одеяниях при немалом стечении народа пробираются локтями к владельцу наглых лошадей, что проникли на агору в нарушение обычая. Горделивого вида солидным мужам из гаморов-аристократов, внешне похожим друг на друга прирождённой важностью, около тридцати пяти. Ростом оба средним, суховаты, кожей белые, при благообразных крашенных чёрных, густых бородах. Мужчины намащены маслом пристойно высшим должностям, дорого благоухают. Их пропускают к лошадям. Толпа настороженно замолкает. У лошадей в ряд сложены трупы и ещё живой, старательно перевязанный по ногам пленный. Пленный ранен, но раны стянуты бинтами из его же порванных одежд. Рядом с трупами выставлено на обозрение оружие – дубинки с шипами – и зачем-то простецкая дудочка.

– Чьи это лошади бесстыдно поругают агору? Навоз у статуй богов! – недовольным голосом архонт, видом грозный военачальник, обращается куда-то поверх голов к бронзовым статуям богов – покровителей города. Из-за «бесстыдных» лошадей выходит статный юноша, весь в окровавленных одеждах. Оба архонта удивлённо всматриваются в хозяина лошадей.

– *Гермократ, сын Гермона?* Ты? – Юноша молча поднимает правую руку. – А это, стало быть, *лесные разбойники?* Кровь на тебе тоже их? – Второй архонт, с видом уставшего от дум мудреца, являет полную осведомлённость о происшествии. Толпа удовлетворённо рукоплещет покрасневшему от неожиданных признательностей Гермократу. Раздаются громко возгласы: «Молодец», «Герой», «Выловил банду» и «Навёл порядок».

Архонты настойчиво призывают толпу взволнованных сограждан к тишине. Мудрец архонт безгласно наступает сандалией на грудь раненому пленному.

– Ещё живой? Поднять! – Приказ архонта исполняют надсмотрщики и два государственных раба – смотрители за порядком, при плётках за скромными поясными ремнями. – Будем пытаться грабителя!

Пленного разбойника тут же мастерски охаживают плетями рабы-полицейские. Плетки рвут кожу, разбрызгивают по сторонам кровь. Толпа улюлюкает при виде страданий. Дознание приносит плоды.

– Никират я! – еле слышно проговаривает допрашиваемый. – Гражданин Катаны. Не трогайте свободного эллина!

– Что делал иониец и гражданин Катаны на *нашей* дорической дороге? – Плётка охаживает «свободного эллина», оставившего вопрос архонтов без должного ответа. Никират вздрагивает от сильного удара раба с мучительным потягом плети по спине. Вздрагивает, стискивает зубы и упрямо сопит. Удары повторяются вновь и вновь.

– Грабил дураков из подлых Сиракуз... – зло шипит пытаемый плетью. Плеть прекращает работу. Никират тяжело дышит. Он стоит на коленях, растягиваемый за руки надсмотрщиками рабского рынка. Голова свесилась с плеч.

– Подними-ка его лицо, – мягким голосом командует архонт-военачальник. Притихшей толпе предстаёт всё тот же странного вида путник, что первым увидел Гермократ. Спесь наглости не сошла под пытками, напротив, теперь злость до предела наполнила гражданина Катаны. – Тебя что, город Катана подрядил на разбой? Между нами временное перемирие! Так же как и с вашим союзником, ионийским Наксосом. Всё-таки ахейцы и ионийцы упорно ищут новой ссоры!

Пленник молчит. Глазами задумчиво что-то ищет в каменных плитах агоры. Но как только плеть поднимается в воздух для дознания, быстро проговаривает:

– Нет, то только наш выбор.

– Кто эти мёртвые, Никират, гражданин Катаны? – Архонт-мудрец оказался крепким на имена. – Кем они тебе приходятся?

– Моя семья... была... они... – Никират замолкает, обмякает телом, бессильно свешивается и теряет сознание. Оба верховных архонта одновременно оборачиваются к стоящему позади них Гермократу. Но едва они намереваются спросить аристократа, как из-за лошадей показывается скифянка.

– Мой хозяин, Гермократ, разреши мне сказать архонтам правду! – Сикания твёрдо смотрит в глаза Гермократу.

– Кто сейчас говорит на агоре? Назови имя своё! – Вопрос архонта-военачальника адресован недовольному по виду Гермократу.

– Сикания её имя. Скифянка. Моя вольноотпущенная, по занятиям – пастушка. – Гермократ отвечает архонтам, не разрывая долгого взгляда с Сиканией. Затем неожиданно громко вопрошает у должностных лиц: – Дозвольте, достопочтимые архонты, вольной Сикании слово свидетеля держать на агоре?

– Говори, Сикания из семьи гамора Гермократа, что за правда у тебя? – Архонты настороженно и недоверчиво рассматривают девушку. Слова вольноотпущенных не значат ничего, если не подтверждаются гражданами полиса. Гермократ складывает руки на груди и напускает на себя непроницаемый в суровости вид.

– Гамор Гермократ обнаружил засаду на дороге. Приказал Сикании напасть на засаду. Правил атаку. Сикания била луком. Гамор добивал ксифосом. – Дева правой рукой поднимает над головой лук, о котором упоминала в показаниях.левой рукой раскрывает грязный в колючках плащ и указывает на ксифос. Архонты, рассмотрев оружие, награждают похвальными взглядами смущенного всеобщим вниманием юношу.

– Потом Сикания пыталась этого... – Гермократ исподлобья смотрит в профиль девушки. – Этот сказал, что у них есть дружки где-то по дороге в Акра... Акраг... – Девушка приложила рукой ко лбу, словно пытаясь вспомнить трудное название.

– Полис *Акрагант*? Она что, не может выговорить эллинских имён? – На поправку архонта Гермократ поднял утвердительно правую руку. Архонт выдаёт наставление: – Недогляд – подучи работницу именам.

– Говорил про какое-то поместье, про дорожный камень... про поворот... – Девушка поворачивает голову к Гермократу, но тот внимательно оглядывает трупы разбойников.

– Гамор Гермократ, ты можешь сидеть на лошади? – Вопрос архонтов содержал в себе ответ. Отвечать на подобный вопрос гражданину не требуется. Верховные архонты повернулись лицами к толпе.

– Кто из почтенных граждан полиса Сиракуз составит дознавательный отряд в помощь гамору Гермократу? Надо изловить всю разбойничью шайку!

Сразу три сотни рук поднялось к вечернему небу над Сиракузами. На агоре Ахрадины по случайности собрались только граждане из худых, они же и составили отряд добровольцев. Юноша, оглянувшись, увидел вокруг себя и гордую городскую бедноту Тисы, и ремесленников, а также владельцев небольших земельных наделов из Теменитеса. Ни одного знакомого из обеспеченных кварталов Ахрадины или аристократической Ортигии! Однако юноша быстро спохватился, и печальная усмешка быстро сменилась отборной надменностью гамора.

– Нам бы чего перекусить перед отбытием? – неуверенно проговорил в толпу Гермократ. Раздался громкий смех, за смехом шуршание, звуки приготовлений и... по рукам к победителю шайки разбойников направился кувшин неразбавленного домашнего вина, к нему в придачу кувшин воды и пустой глиняный кубок, горячие лепёшки, добрый кусок пирога с рыбой,

десерт – сушёные фиги. От щедрости владельцев лавок агоры Гермokrat утратил надменность и поплыл в добродушии. Выставил в бока руки и закачал удивлённо головой.

– Ты думал, мы тебя обидим? Голодным воевать пошлём? – откуда-то из глубины рядов весело выкрикнула торговка снедью. Гамор громко засмеялся, его смех поддержали, и вскоре вся агора Ахрадины хохотала над шуткой торговки. Многие же из присутствующих про себя отметили, как юноша из богатых аристократов города, владелец мастерских, явил рачительную заботу – разделил поровну дарёную еду с боевой попутчицей, ещё вчерашней рабыней.

Добровольцы бросаются со всех ног по домам за оружием. Архонты приказывают государственным рабам-чиновникам найти и реквизируют для всего отряда свежих лошадей. И пока тянулись недолгие сборы, а Гермokrat разбавлял вино, два высших должностных лица полиса, стоя спиной к герою дня, полушёпотом держат совет по планам поимки оставшихся членов «опасной банды коварных катанцев».

– Гермokrat, ты людьми без особой на то надобности не рискуй. Штурмовать ахейские города пока не надо. – Архонт-мудрец добродушно улыбнулся. Так же шуточным тоном продолжил: – Отряд под тобой не настолько серьёзный. Катану и Наксос тебе не взять с тремя сотнями.

– Мёртвыми или живыми разбойников нам доставь. Доказательства разбоя сыщи. Катана должна получить от Сиракуз неопровержимые улики преступлений их граждан в наших владениях. – Второй архонт, «военачальник», серьёзно продолжил речь. Архонты вынесли суждение. Гермokrat отложил в сторону еду и вино, встал, поправил смятый грязный плащ. На плечи юноши поощрительно легли две руки архонтов.

– Воюй, гамор, без страха. С ионийским полисом Катана, мы уж... потом сами, без тебя, дипломатию проведём. Советом полиса именитых послов отправим к враждебным соседям. Ты помнишь, что нужно полису? Повторяю, гамор, – нам неопровержимые доказательства разбоя нужны. Добудь их!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.